

Плань и Судьбы

Дроздова Александра

Александра Дроздова

Длань Судьбы

«Автор»

2023

Дроздова А.

Длань Судьбы / А. Дроздова — «Автор», 2023

Ее жизнь – исполнение божественной воли, его – служба Короне. Она – странствующая сирота, он – вечный следователь. Она мечтает найти и обрести свой дом. Он хочет, чтобы его оставили в покое. Их встреча была предопределена судьбой, но что из этого получится? Преступление? Расследование? Ненависть? Любовь?

© Дроздова А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Предисловие.	5
Глава 1.	12
Глава 2.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александра Дроздова

Длань Судьбы

Предисловие.

... Вельхора – столица Ивалии. Хризантемовый храм Судьбы. 23 года до основных событий... Жрец Епифаний...

Сегодня, в день зимнего солнцестояния, когда ночь столь длинна, что чудится будто утро и вовсе не наступит, старому жрецу Епифанию выпал жребий ночного бдения в зале обращенный к богине, имя которой – Судьба. Даже в ночное время находились желающие посетить ее храмы. Редко, но такие случаи бывали и в храме, названном Хризантемовым.

По воле Судьбы каждую ночь в ее обители всегда оставался один из служителей для исполнения своего предназначения: выслушать, поддержать, дать совет или связать любящие сердца, озарив пару божественным благословением (самое любимое действие богини), или союз разъединить, если Судьба решит, что случай подходящий. Чаще всего именно за ритуалом единения прихожане обращались к жрецам Судьбы – этот повод был приятен.

Жрец Епифаний уже много лет жил при храме и честно соблюдал все заповеди Судьбы. Он охотно проводил службы для небольшого количества постоянных посетителей обители богини и всем сердцем любил маленький храм всю свою жизнь, а это ни много ни мало почти шестьдесят лет его жизни.

Старый Хризантемовый храм не имел большого потока прихожан из-за своего укромного расположения. Маленькая обитель Судьбы скромно притаилась в уютных уличных хитросплетениях. Для самого Епифания незаметный уголок в Вельхоре, где еще в давние времена был построен храм для богини, был самым лучшим местом для скромных, хвалебных и соединяющих служб.

Древний храм был камерным, по-домашнему уютным, несмотря на то, что был совсем крохотным по сравнению с другими святилищами. Среди божественного пантеона только Смерть предпочитал помпезные и величавые строения. Его храмы были внушительны и богаты. Храмы Смерти было не сложно определить в любом городе по величавости и некоторой вычурности. Остальные боги были не столь придирчивы к своим обителям. Однако служители все равно пытались угодить богам и учитывать их страсти.

Стены родного для Епифания Хризантемового храма Судьбы были каменными, украшенными цветочными и листовыми барельефами. Судьба, как все женщины, любила цветы. Все храмы богини носили соответствующие им названия. Этому было присвоено имя – Хризантемовый за его простоту, чистоту и особую ценность.

Помимо вылепленных архитектурных украшений и опорных витых колонн при входе в храм, была еще одна особенность, дарующая красоту и очарование этому тихому месту. Для услады глаз Судьбы, на заднем дворе был разбит небольшой прихрамовый садик. Он был нежно любим и лелеем самой душевной и нежной жрицей – Афионой. За небольшой скрипучей оградкой она сажала цветы, выращивала овощи и зелень, ухаживала за плодоносными фруктовыми деревьями, которые поздней весной источали дивный аромат, а затем роняли мягкие, белые лепестки, украшая землю.

Корона наравне со всем населением Ивалии почитала весь пантеон богов и благотельствовала храмовникам, но на выделяемые ею средства содержать и приют, и саму обитель, как это требовалось служителям богини, было довольно затруднительно. Только при храмах Судьбы содержались приюты для нуждающихся в помощи людей. Богиня по ниточкам судьбы приводила попавших в беду к своим стенам, где они получали все необходимое, а главное

– надежду. Это касалось не только сирот и бедняг. Богиня пристально наблюдала за всеми людьми без исключения.

В Хризантемовом храме нашлось место для осиротевших детей и еще для нескольких необходимых храму помощников и жрецов. За хозяйственные нужды обители и ее обитателей отвечала Госпожа Элеонора – ответственная, пышнотелая, громкая рованка. Она не являлась слугой богини в прямом смысле этого выражения, но дамой была достойной, аккуратной и деловой. Госпожа Элеонора давно жила при Хризантемовом храме, крепкой рукой и умом вела хозяйство и управляла счетами. Она всегда и во всем помогала ребятам, активно участвовала в их жизни. Возможно, даже слишком активно, если учитывать мнение самих воспитанников.

Так же долго, как жрец Епифаний, Судьбе служил и жрец Георгий. Он выделялся среди немногочисленных послушников Судьбы своей старческой вредностью и противным характером, что являлось не совсем типичным для этой милосердной братии. «Дозированная строгость – полезна!» – неустанно твердил он детям.

Жрица Афиона выросла в прихрамовом приюте и была свидетельницей настойчивой заботы Госпожи Элеоноры и постоянного брюзжания жреца Георгия. Она своими же ушами слушала бесконечные советы Элеоноры и неустанные жалобы с неизбежной руганью старого жреца. И даже несмотря на это Афиона осталась служить Судьбе, пройдя посвящение, она стала помогать растить и воспитывать детей, а заодно и ухаживать за садом.

Храм, спрятавшийся среди тихих улиц Вельхоры, для многих стал домом и сплотил в одну большую дружную семью, хоть и не по крови. Судьба разными тропинками свела всех нуждающихся в свое святилище – и они были этому только рады.

От дум храмового служителя Епифания отвлек громкий, даже оглушительный стук. Он вскинул голову в сторону входной тяжелой двери, ведущей в зал обращений, ожидая, что вот-вот сюда кто-нибудь зайдет. Но этот кто-то так и не решился открыть дверь.

Жрец Епифаний подумал про себя, что это дурной знак. Конечно, думать таким образом не подобало добродетельному служителю богини, ведь все знаки Судьбы несут пользу и добро, но чуял его нос, а точнее, уловили его уши, что этот громогласный знак несет мешок сюрпризов. В силу своего возраста жрец очень не любил неожиданностей, так как обычно они приносили с собой мигрень и боли в коленях.

Взяв одну горящую лампадку, он вышел за дверь. Как же он был прав! Головная боль ему теперь была обеспечена на много-много лет вперед. Прямо на ступеньках лежала корзинка со сладко спящим младенцем, которую он проворно подхватил и занес в теплое нутро храма Судьбы.

... Вельхора – столица Ивалли. Хризантемовый храм Судьбы. 5 лет до основных событий... Лууна...

Этот день настал. Сегодня мне исполнилось восемнадцать лет. Самый важный день для длани богини Судьбы. Мой день. Стать дланью Судьбы – не самая завидная участь для девушки – сироты, но от своего призвания не убежать и не скрыться. Я и не пыталась. Такова воля богини, и служить ей я собиралась верой и правдой.

«Неужели прошло целых восемнадцать лет, как я оказалась на пороге нашего храма? Как же быстро...» – подумала я, протягивая руку перед своим отражением в зеркале и пытаясь его коснуться. Пришло время покинуть его гостеприимные стены, ставшими родными. Уже завтра утром мне придется уйти...

В Обители Судьбы мне дали имя – Лууна, что означало освещенная Селеной. Так меня назвал Жрец Епифаний, именно он нашел меня в самую темную и длинную ночь. Подарив мне это имя, старый храмовник пожелал подброшенной крохе даже в самой непроглядной тьме суметь разглядеть хоть каплю света. Я старалась следовать его завету.

В Хризантемовом храме я впервые улыбнулась, сделала первые шаги, сказала свое первое слово и научилась всему тому, что я умела в свои восемнадцать лет. И все это благодаря всей нашей единомушной и сплоченной прихрамовой семье.

Ухаживать за младенцем в храмовом приюте весьма сложно. Обитель Судьбы не предназначена для таких маленьких сироток. Таких крошек не подкидывали в приюты ни тогда, ни сейчас. Бросать младенцев не то чтобы не принято на землях Ивалии – случаются разные беды и трагедии на жизненном пути – но такое действие было противозаконным и наказуемым, однако, со мной все же случилось. С детьми постарше действовали иные законы. Каждый случай разбирался службистами Короны отдельно. Только пока такие дела велись, дети росли. Вырастить же крохотную девочку было для служителей Судьбы трудно, но всеобщими усилиями и стараниями из меня вышла судьбоносная длань, что надо.

Хризантемовый храм Судьбы стал домом многим детям, не только мне. Кто-то из них уже успел найти свое место во взрослой жизни, кто-то только-только появился в нашей семье и приступил к своему обучению, к поиску своего предназначения в своей жизни. Лишь я удостоилась чести быть меченной Судьбой, а права выбора лишилась. За меня все решила Судьба. Богиня предопределила мой жизненный путь – быть дланью Судьбы.

Как же расстроились тогда все старшие послушники, когда увидели проявившуюся на мне метку богини. Невольно мне вспомнился тот день тоже...

В единственный день в году, а именно в первый день весны, жрец представлял прибавление в храмовой семье перед алтарем Судьбы. Это была своего рода семейная церемония знакомства и приветствия сирот и Судьбы. Заодно новеньким предоставлялась возможность поблагодарить богиню за своевременное, как обычно бывает в таких случаях, вмешательство и божественную помощь. Собственно, после ее влияния на события дети оказывались под крышей Хризантемового храма.

Так как я попала в обитель Судьбы в младенчестве, жрецом Епифанием было решено представить меня перед алтарем тогда, когда я смогу более-менее выражать свои эмоции, желания и нужды. Случилось это на четвертом году моей жизни.

Вместе со мной на службе присутствовала еще и Рия. В дальнейшем она стала моей близкой и единственной подругой, но тогда она вызывала у меня лишь зависть. Рия только месяц как появилась в нашем храме, а уже участвовала на ритуале приветствия. Ей было уже пять лет, что страшно меня злило. Мне казался крайне несправедливым тот факт, что она была старше меня.

Нам пришлось вдвоем предстать перед алтарем – перед статуей Судьбы. Считалось, что правильная скульптура могла быть вместилищем богини при ее на то желании, поэтому изобразить Судьбу старались словно живую молодую женщину. Мастер – скульптор, который создавал статую Судьбы для Хризантемового храма, очень сильно постарался. Иной раз взглянешь на алтарь – и кажется, что замершее его прекрасное творение будто только что вздохнуло.

По всем правилам ритуал приветствия проводили в зале обращений. В общем-то это был единственный зал в храме. В нем и проводились все ритуалы, службы и даже просто беседы с посетителями обители богини.

Начало церемонии было не запоминающимся. Я и Рия поклонились алтарю и самой Судьбе, которая подарила нам семью и надежду на полноценную жизнь. Затем мы встали на колени и склонили головы, дожидаясь окончания службы. Детям не позволялось даже взглянуть на статую богини в момент обращения к ней, однако и взрослые старались не смотреть на ее изваяние, боясь увидеть или не увидеть (что было куда страшнее) чудесного божественного явления.

Жребий проводить службу пал на жрицу Афиону, и обращение к Судьбе проводила она. Все ее богинеслужения и церемонии сопровождалась тихой, мелодичной песней. На ее утренние службы спешили успеть не только местные прихожане, но и приютские ребята. Мне тоже

больше нравилось присутствовать на ее службах, нежели на других. Они действительно воодушевляли и настраивали на мажорный лад.

Стоило только перестать звучать эху нежного голоса жрицы Афионы в сводах храма, обозначая окончание обращения к Судьбе, как мне и Рии позволили оторвать свой взор от каменных плит пола. Тогда-то я и увидела, как Афиона резко прижала свои руки к груди, ее глаза наполнились ужасом, губы мелко задрожали и панически зашлепали, а из ее рта не вырвалось и звука. В столь юном возрасте я уже понимала, что все это – предвестники грозы, настоящей женской истерики с раскатами грома и проливным дождем.

Между тем Рия подсказала, что у меня появилось что-то на подбородке. Она даже попыталась стереть это что-то пальчиком. С первого раза у нее ничего не вышло. Затем пятилетняя Рия решила хорошенько сдобрить свой детский пальчик слюнями, но даже такой своеобразный подход к решению проблемы, которая напугала жрицу Афиону до полусмерти, не помог.

В зал обращений с криками и громкими поздравлениями ворвались остальные послушники, но резко остановились и раззявили рты, стоило им увидеть меня. Отмерли они лишь тогда, когда я, испугавшись, заревела от всей своей обиженной и даже потерянной души.

Проявившаяся метка сильно потрясла всех: и жрицу Афиону, и жреца Епифания, и даже жреца Георгия, а Госпожа Элеонора вообще была самой недовольной решением богини. Ни один из них никогда не был свидетелем божественного знамения до случая со мной. Неудивительно, что это вызвало у всех смутнение, и это мягко выражаясь.

Уже позже, когда старшие меня успокоили и успокоились сами, мне объяснили, что со мной произошло. Судьба одарила меня божественной меткой во время церемонии знакомства, и я стала меченной обладательницей дара длани Судьбы.

По воле Судьбы красные тонкие линии изящно украсили мою кожу – так выглядела метка богини. Одна линия шла от центра подбородка и опускалась до самого пупка, вокруг которого она раздваивалась, и уже две прямые спускались по ногам до сердцевин стоп. С руками произошли аналогичные изменения – тончайшие красные нити аккуратно устроились в центре тыльных сторон обеих рук и шли вверх к плечам, дальше бежали по ключицам и сливались с линией, ведущей от подбородка.

Божественная метка была не просто геометрическим украшением тела, это был знак или даже ключ к божественным чертогам. Дар Судьбы – видеть то, что скрыто; знать то, что не каждому известно; чувствовать то, на что не каждый способен.

Сотворенная богиней метка одарила меня возможностью пользоваться хранящимися знаниями в божественных чертогах и означала, что отныне я являюсь ее дланью, ее верной слугой и одаренным человеком. Судьба наделила меня даром огромной силы, а заодно большой ответственностью и многочисленными ограничениями. Нести такое бремя было нелегко, а иногда – даже неподъемно.

После того первого дня весны моя жизнь значительно переменилась. Меня стали обучать дольше и строже, пытаясь дать как можно больше до срока становления на предначертанный путь. Я усердно занималась всем тем, что мог дать мне храм и предложить жрецы, живущие в нем: от шитья до (примитивных, но все же) способов самообороны. Я пыталась познать все доступные науки и получить все возможные знания, обучиться разнообразным средствам для выживания. Я прочувствовала от и до, сколь важное и трудное бремя выпало на мое существование, и полностью ему отдавалась.

Нашлась и положительная сторона моего предопределенного положения, мое имя этому поспособствовало, мне не придется страдать муками выбора, как остальным. Другим воспитанникам разрешалось найти дело по душе, но ведь его еще нужно было отыскать в разнообразии специальностей и талантов, а самое сложное – не запутаться в собственных желаниях и умениях.

Храм пытался помочь всем своим воспитанникам. Хочешь стать наемником? Пожалуйста. Только носи это звание с честью и достоинством. Хочешь стать пекарем? Хорошо, будешь посещать пекарню, помогать хозяину и набираться опыта. Каждый из прихрамовых детей мог выбрать собственный путь, оплачиваемую работу в удовольствие, исполнить свою мечту, стать тем, кем хочется – таковы законы Судьбы. Естественно, у жрецов не всегда была возможность договориться насчет желанного трудового места для воспитанников. Однако чаще всего удавалось найти решение или обнаруживалась лучшая альтернатива выбранной деятельности. Жрец Елифаный всегда говорил, что стоит только повнимательнее оглядеться и сразу станет ясно, почему складывается так, а не иначе. Истина любит показывать свое лицо гораздо позже событий.

Несмотря на то что никто из служителей богини не заставлял детей становиться храмовниками, нас воспитывали согласно ее заповедям: «Единовременно слышать и слушать три голоса: разума, сердца и души. Оставить место внутри себя только для доброты, силы и истины». Вот такие нехитрые, но довольно сложные в исполнении утверждения оставила для нас Судьба. Она действительно заботилась о людях, в отличие от остальных божественных сущностей. Прямое тому доказательство – Судьба старалась сгладить «острый угол» в условиях неизбежности горького события, всех драм и трагедий в жизни избежать просто невозможно. Правда, божественные взгляды сильно разнятся с человеческими, но в действительности сверху оно было виднее.

Судьба жестко и даже жестоко позаботилась о меченных ею одаренных, она изрядно переживала за их непростую долю, выпавшую им не без ее участия. Богиня уж постаралась защитить получивших ее метку от недобрых и лицемерных помыслов, наложив на своих подопечных божественные чары. Жалко, что об этом я узнала уже после посвящения в длани Судьбы. Хотя это мало что могло изменить. Как оказалось, все время своего служения в бесконечных странствиях длани Судьбы находятся под заклатьем. Под божественным мороком, являющий миру искаженный возраст.

Искренность чувств – одна из судьбоносных основ, к которой следовало стремиться, в том числе и меченым. Для проверки чистоты привязанности и любовного порыва Судьба выбрала довольно сложный и неприятный способ раскрытия намерения избранника – устаревший морок. Это одновременно затрудняло поиск своей половинки и облегчало, отсеивая все ненужное и неистинное. Морок давал возможность избраннику или избраннице сделать выбор самим сердцем, а не глазами или неожиданно вспыхнувшей страстью или притяжением.

Но до того это было маловероятным и сложно представимым, что казалось совершенно неисполнимым. Особенно, когда в отражении зеркала я видела зрелую даму. Чтобы полюбить такую, как я, длань Судьбы, придется очень-очень долго вглядываться в мою суть. Возможно ли такое? Я сомневалась.

Устаревший морок должен спасти, когда удастся встретить собственную судьбу – половинку души, истинного избранника, но я подозревала, что такой случай – патология. Никто из разнородных жителей Ивалии даже не догадывался, что за странствующими по свету почтенными дамами с меткой богини Судьбы скрывались прекрасные, молодые женщины.

Встретив своего человека, длань Судьбы возвращается в храм для того, чтобы получить благословение Судьбы, скрепляя два сердца союзом – ритуалом единения. Затем сразу же заканчивается и служение богине, длань Судьбы получает освобождение, ведь выбор собственной судьбы совершен. До этого момента моя жизненная нить будет в руках Судьбы. Мне казалось, что так будет всегда, однако ничего не бывает вечным.

Мне сразу вспомнилось о том, как в Хризантемовый храм Судьба привела Миру – одну из своих дланей. Мира явилась для того, чтобы стать моей просветительницей, наставницей в освоении дара. Она, так же как и все, оставила втайне само существование божественного

морока и собственное несоответствие истинного возраста с внешностью. Я и представить не могла, что добродушная седая женщина в годах на самом деле юная девица.

В первый раз наставница постучала в храмовые двери ранней осенью. Листья только-только начали окрашиваться в пестрые цвета. Ее появление уже никого не удивило. Наставницей Мира была строгой, справедливой, немного дотошной, но, в сущности, доброй.

Метка, а вместе с ней и дар, которыми меня наделила Судьба, несли в себе опасность для меня и для окружающих, поэтому Мира требовала от меня очень четкого выполнения указаний и кропотливо помогала освоить дар и использовать божественные чертоги.

Дар Судьбы – видеть будущее, прошлое, настоящее; считывать по судьбоносной нити жизненный путь выбранного человека, его потаенные мысли и желания, видеть его суть. Это огромная ответственность и громадная опасность не только для обладателя метки богини Судьбы, но и для самого вопрошаемого или читаемого. За такие знания можно было и убить.

Способы использования дара, возможности и их уровень старались держать втайне. Никто или почти никто достоверно не знал, как работал дар и что видели меченные богиней. У дланей Судьбы существовало годами проработанное и привычное обществу ампула – старая седая гадалка, которой простительна небольшая чудинка и удается точное попадание ответов на вопросы. А метка Судьбы расшифровывалась как дар чтения карт. Такими и видели дланей Судьбы с их заметными красными линиями и почтенным возрастом. Самим меченым Судьбой такое отношение было лишь на руку.

Мало кто знал о настоящем положении вещей, и сами длани Судьбы, естественно, не хотели разуверять простых людей, но только от Короны такую тайну не скрыть. На высоких постах стояли свои помощницы и помощники, наверняка, и без меченных Судьбой не обошлось. Но те были далеко от меня и Хризантмового храма. Обычные люди, охочие до власти, тоже бывают изобретательны и изворотливы в достижении своих целей, и раскрываться им равно смерти.

Наставница Мира научила использовать божественную метку (для отвода глаз) в облике гадалки на картах, а на самом деле – связываться с божественным чертогом, концентрироваться в его необъятии, определять принадлежность судьбоносных нитей и воспроизводить по ним событийность жизненного пути.

Мое служение людям, к которым поведет меня Судьба, будет проходить под видом старой гадалки, меченной богиней, и заключаться оно будет в скромной помощи в виде подсказок, советов нуждающимся. И так будет продолжаться, пока не закончу свое служение, то есть пока не встречу своего избранника.

Карты будут лишь видимостью и прикрытием для непросвещенных, своеобразной защитой. Они мне были не нужны для того, чтобы узреть беспокоящую ситуацию целиком и со всех сторон в полотне судьбы, но человеку привычнее то, что он способен понять и увидеть собственными глазами. Понятное – надежное. Гадание на картах было верным и проверенным средством, вызывающим относительное доверие. На самом же деле, я буду обращаться к своему дару, с помощью ключа, своей метки, сливаться с божественным чертогом и уже там находить необходимые знания, помогая тем, на кого указала Судьба.

Покончив с воспоминаниями из собственного прошлого, я смотрела в зеркало и изучала свое новое отражение после ритуала посвящения. Совсем недавно зеркало демонстрировало совсем юную кудрявую, витую мелким бесом девушку с любопытным вздернутым носиком, немного худую и бледную. Но в этом не было ничего необычного, подумаешь, усталость, с кем не бывало. А теперь, спустя каких-то полчаса, в зеркале отражалась иная картина.

Зеркало наглядно показывало, что закончить служение исключительно невозможно. Кто полюбит старую деву? Такой же старик? Какой же мужчина обратит свое внимание на сморщенное лицо, седые кудрявые волосы, сухие и бледные губы? Шевелюра, конечно, придавала

мне задора и настроения в худошавом, но крепком теле, да еще и эта зелень глаз, но старость явно не привлекает вторых половинок.

Повезло еще, что это всего лишь морок, и к изменяющим облик чарам не прибавлялись хворь, болезни, ноющие суставы и все остальные прелести зрелого возраста. Мое тело осталось таким же тощим, легким и ловким, здоровье – крепким, а ум – ясным. Это, безусловно, радовало.

Стоит исполниться божественным условиям, и я снова смогу увидеть себя настоящей – девушкой с кожей цвета загара, в отличие от белых коренных жителей Вельхоры, буйные шоколадные кудри на голове и хитрющие кошачьи зеленые глазки. Что поделать, дикую руальскую кровь во мне было видно издали, даже в моем же возрастном облике.

Почтенная дама из меня вышла довольно привлекательная, если сравнивать с другими женщинами из той же возрастной категории. Как бы это не обернулось против меня: лишние проблемы на теперь уже седую голову были совсем не желательны.

Меня успокаивало и даже придавало мне некую уверенность, что гипотетически встреченный мною «тот самый» с большой вероятностью будет «тем самым». У многих людей слишком много отвлекающих факторов. Например, комфорт, разного рода нужда, обязательства, еще какие-либо причины на брак с нелюбимым человеком, коих я не имела. С этой точки зрения Судьба предоставила мне больше шансов обрести свою истинную собственную судьбу. Да, прав был жрец Епифаний, говоря, что у меня был талант находить капельки света в непроявленной тьме.

Уже совсем скоро все обитатели храма Судьбы соберутся за ужином, чтобы побыть со мной еще немного, прежде чем я уйду...

Скорей всего, жрец Епифаний и жрец Георгий будут спорить и шуточно подначивать друг друга весь вечер. Моя подруга Рия возьмет меня тихонько за руку и будет держаться за нее все время, пока Госпожа Элеонора не вынесет праздничный пирог с яблоками, который она испекла накануне. Рия обязательно захочет пожертвовать своим куском наивкуснейшего десерта, но я решительно откажусь от ее предложения, ведь Элеонора не так часто пекла, как хотелось бы. Остальные ребята будут весело смеяться над едкими и точными замечаниями и шутками Госпожи Элеоноры про двух спорящих стариков. Она украдкой будет бросать на меня печальные и жалостливые взгляды, но вслух ничего не произнесет. Жрица Афиона в течение всего ужина будет тереть красные глаза и стойчески держаться, чтобы не расплакаться, но перед самым окончанием ужина она обязательно споет прощальную пронзительную песню, и уже никто не сможет сдержать слез. После завершения проникающей в душу песни все разойдутся по своим комнатам в тишине и в собственных раздумьях, а очень ранним утром я покину обитель Судьбы...

Все произошло так, как я и представляла, за исключением того, что мне не удалось уйти не попрощавшись. Вся храмовая семья вышла проводить меня на путь длани Судьбы. Старшие даже преподнесли мне подарок – небольшой зачарованный кожаный желтый чемоданчик, где было все, что могло потребоваться в моих странствиях. Затем были долгие объятия с теплыми напутствиями и пожеланиями повидаться еще... когда-нибудь...

После я ушла, крепко сжимая жесткую ручку нового чемоданчика. Слезы катились по щекам, и мне пришлось много-много раз повторить себе, чтобы я ни в коем случае не оборачивалась.

Я приняла свою судьбу. Теперь я – длань Судьбы...

Глава 1.

... Креолис... Настоящее время... Марон...

По долгу службы его занесло в далекий от Вельхоры провинциальный городок – Креолис. Его сюда привело расследование под грифом «особо важно». Странные вещи творятся вокруг Короны: несогласные брожения внутри высшего общества, пока еще небольшие собрания недовольных активистов, и все почему? Видите ли, одаренные притесняют неодаренных. Кто эту нелепицу вообще придумал? Корона с помощью и тех и других развивала страну во всех отраслях и направлениях, предоставляла возможности реализовать свои желания любому из жителей Ивалии, было бы желание делать хоть что-то.

Да, боги даровали свои метки и наделяли некоторых людей способностями, иногда даже очень существенными, но их меченых – единицы. Например, одаренных милостью Мора не так много и врачей на всех больных не хватит. Корона выделила средства, поспособствовала постройке специализированных учебных заведений разных категорий во всех уголках страны, а умельцы, получившие соответствующие знания и дипломы, орудуя нитками и иглами, разбирающиеся в кишках и печенках, ценились иной раз гораздо выше, чем одаренные. Или еще пример. В Вельхоре есть знаменитая ресторация, где повар не просто обычный человек без метки, а еще и слепой. Говорят, готовит так вкусно, что приходится бронировать столик чуть ли не за полгода, чтобы попасть в это знаменитое заведение.

Сам Марон, конечно, не посещал легендарную ресторацию и не пробовал изысканные блюда, тем более он не являлся знатоком кулинарного искусства, да и водить по ресторанам ему было некого. А те, кто всегда был с ним рядом и следовал по пятам, высокую кухню тоже не ценили. Им бы только кусок мяса пожирнее или кость побольше.

Но речь не об этом. Люди с божественными метками не занимали места выше или лучше, просто им были даны иные возможности – кто-то пишет правой рукой, а кто-то левой. Притеснения любого рода существовали, но все эти недоразумения идут совсем не от различия между одаренными людьми и неодаренными. Если уж быть совсем честным, то причина кроется в человеческой скупости, корысти, предвзятости, недалёковидности, глупости и, конечно же, жестокости. Нести ответственность за всех недобропорядочных людей Корона не могла, если закон не нарушен.

И раньше встречались разные случаи принижения, и не только по одаренности. Слабым – детям и женщинам – достается довольно часто. Обычно это не заходило за рамки бытового конфликта. За всеми случаями нарушения прав и закона строго следила Служба Короны. Она же и разбиралась, кто прав, кто виноват.

То, что происходило сейчас по всей Ивалии, совсем не походило на отдельные случаи вспышек человеческих пороков и последствия недобропорядочности населения. Разворачивающиеся события говорили о том, что происходила неспешная целенаправленная организация протестующих, намеренное разжигание конфликта между одаренными и неодаренными с вероятной дальнейшей попыткой восстания и свержения аппарата власти, Короны, как любили называть всю семью коронованного монарха, и верховных управителей всех ответственных служб, отвечающих за безопасность, внешнюю и внутреннюю политику страны, развитие, торговлю, науку и так далее.

Руководством Марона было решено и поручено начать распутывать пока еще малый клубок завязывающего заговора, предотвратить рост гнева и недовольства в обществе до того, как злоумышленникам удастся творящийся абсурд превратить в масштабное противодействие. Поручено кому? Естественно, ему – Марону.

Пока все недовольство протестующих заключается в расклеивании и раздачи агитационных листовок. Вот только все эти пойманные службой Короны глупцы не могли додуматься до

этого сами, но и указать на идейного активиста они не смогли. Марону предстояло разобраться, откуда берет начало это выдуманное противостояние, кто за ним стоит, и самое главное – остановить зарождающуюся попытку переворота до того, как заговорщики приступят к более смелым действиям, а Корона к последующим за этими действиями – жестким мерам пресечения.

Для всех незнающих дело ведет специализированное ведомство, а Марону отведена роль простого следователя. Однако это всего лишь заверенное прикрытие, которое документировано позволяло Марону засовывать свой нос везде, куда только можно и нельзя, а истинную его цель знали только проверенные люди.

Но без своих двух верных псов, огромных натренированных королевских догов, он никуда. Марон всегда, за редким исключением, брал с собой своих собак, заменяющих ему и соратников, и друзей, и семью. Все удовольствия в двух вредных мордах – и они не предадут. С него хватит и того, что он имел сейчас: его двух псов и парочку не отвернувшихся друзей еще со времен обучения.

С людьми Марон контактировал неохотно после всего случившегося. Даже с теми дотошными смельчаками, которые остались с ним в хороших отношениях. И все же, с собаками общаться ему было гораздо легче – последствия одного, но зато какого предательства. Он до сих пор ощущал на себе итог того рокового дня. Да и каждый день он видел перед зеркалом и будет видеть всю его дрянную жизнь. Как раз об этом ему вспоминать совсем не хотелось: больно настроение было приподнятым (что и так являлось редкостью для него), чтобы думать обо всяких подлых красотках.

Марон находился на службе у Короны уже лет пятнадцать. За этот срок он успел изменить свое отношение ко многим вещам, а доверие к людям – это одно из первых, что ему пришлось пересмотреть. За эти пятнадцать лет он дослужился даже до звания майора, и сидеть бы ему в пыльном кабинетике, копаться в разных бумажках и ставить там подписи, участвовать в важных совещаниях, собраниях и там раздавать советы, да только он не мог. Марон плохо ладил с людьми, точнее и вернее сказать – очень плохо. Ему тяжело промолчать там, где надо. Та работа, где великой ценностью была лишь подпись на документе, была ему чужда и скучна.

Он сам не понял, как ему удалось стать аж целым майором, учитывая его ограничения и не самый покладистый характер, но столь высокий чин ему дали за полевые заслуги, как выразились тогда на церемонии получения воинского звания. Но на самом деле работать он остался самым простым следователем по особым делам. Так что и действующее прикрытие не ушло далеко от истины.

Вместе со званием ему стали доверять более щепетильные дела, где нужно было вести расследование тихо и без огласки. Кроме того, он обретал больше свобод, чем у остальных службистов Короны, и немаловажные связи, что уж скрывать. Корона деятельностью Марона была довольна, судя по всему, поэтому и закрывала глаза на его явную неуравновешенность и очевидный брак, но он хорошо делал свою работу – ей он только и жил.

Марон совсем недавно сошел с поезда, который привез его в Креолис, и теперь шагал по улицам этого провинциального городка, изучая настроение жителей, внимательно слушая их разговоры, ловя каждую интересующую его деталь. Марона сюда привела маленькая зацепка, тонкий след: в этом городе была расположена типография, в которой и были напечатаны агитационные листовки, что подтвердил куратор, помогающий вести это дело вместе с секретной лабораторией.

В Креолисе ему предстояло попасть на подозрительную типографию, все там обследовать, разговорить ее владельца и потянуть эту нить дальше, если повезет, конечно.

Аллея, по которой он поздним вечером степенно вышагивал, прогуливаясь в компании своих псов, пахла благовониями и была уставлена горящими свечами и мелкими подношениями богам. Эта улица была в самом центре Креолиса и носила название Соборная. Здесь были

построены все храмы для каждого бога – Смерти, Мора, Судьбы и Природы. Весь божественный пантеон расположился на одной из улиц городка.

Боги следили за порядком во всем мире, который создали. Точнее, создала его мать богов – Судьба. Затем она связалась со Смертью, у них родились дочь Природа и сын Мор, которые тоже участвовали в мироустройстве. Боги не позволяли скатиться в адскую пропасть простым смертным, оставляя неявные подсказки, советы и даже помощь, дарили свои божественные метки, увеличивая количество одаренных.

Единый храм, в котором был представлен сразу весь божественный пантеон, здесь был не в почете – старые привычки не искоренимы. В Вельхоре больше пользовались популярностью новые храмы, которые значительно облегчали жизнь простым жителям. Гораздо легче зайти в один храм, обратиться к интересующему тебя богу, а не бегать в поисках нужного храма по всему городу.

Самому Марону было все равно, в какой храм приходить. Его интересовала лишь Природа, чью метку он носил на себе, а, например, новоиспеченным родителям удобней обратиться в Единый храм, чтобы явить богам свое дитя.

Нововведение с Единым храмом жители Креолиса явно не признали. Креольцы неизменно представляли новорожденных детей в каждом храме соответствующего бога, в надежде получить метку одного из них. Боги, в свою очередь, решали – явить свою метку или не явить. Если метка проявлялась, значит ребенок одарен. Сам дар зависел от отметившего бога и разновидности метки.

На теле Марона с внутренней стороны запястья красовалась оранжевая метка, яркого цвета треугольник, служащая проводником такой стихии, как огонь. Когда пришел его черед предстать перед богами, тогда его отметила Природа. Богиня Природа, дочь Судьбы, была ответственна за животный и растительный миры, а также за все четыре стихии, которые тоже относились к ее природному миру.

Для олицетворения каждого дара существовала определенная метка. Мор отмечал соответствующим рисунком врачей самых разных специальностей, а Смерть метила некросов. Некросы были не только проводниками в мир упокоения, также они воздействовали на неодушевленную материю, и таких уже называли матэриками. Матэрики придавали новые свойства материи, самому веществу, попросту зачаровывая и создавая полезные, удивительные вещицы, тем самым толкая изобретателей без божественных меток на невероятные прорывы в научной сфере. Во всех смыслах очень полезные для общества одаренные эти матэрики. А вот меченные Судьбой те еще таинственные лошадки, вечно они бродят по городам, раскидывая карты. При одном лишь взгляде на чудных почтенных дам у Марона странно начинало свербеть в груди. Слава всем богам, встречал он их очень редко. Сегодня, вероятно, был не один из тех дней.

Из двери одного из стоящих на Соборной улице храмов, прямо перед его носом неожиданно выскочила одна из самых странных одаренных. Она так удивительно быстро перемещалась в пространстве, несмотря на свой почтенный возраст, что чуть не сбила его с ног и почти проткнула своим острым, любопытным носом грудь. Выглядела меченная Судьбой презабавно: крохотная зрелая женщина с копной кудрявых, белых, будто облако, волос, которые скрывали ее выраженную худобу и явное шило в одном месте.

Стоило даме поднять свои зеленющие глаза и взглянуть на него, как в груди Марона возникло нестерпимое, невероятно раздражающее зудение. Оно было до такой степени царапающим и реальным, что он дернул свободной рукой, чтобы почесать ребра, дабы хоть как-то унять это неприятное ощущение.

Резвая особа отпрянула от него горной козой, как от прокаженного, вернув его в происходящее. К такой реакции незнакомцев Марон был привычен, но он снова обратил внимание на то, с какой прытью зрелая женщина отдалилась от него. Это сказывался страх или дикая руальская кровь? Однако... интересное наблюдение.

Меченная Судьбой так и продолжала рассматривать его лицо пристально и как-то обреченно, даже растерянно. «Что за чудная дамочка?» – подумал он. Он хотел заговорить первым, извиниться, что ли, хотя не считал себя виноватым, но из-за уважения к возрасту мог бы. Однако шустрая кудряшка его опередила.

– Я тебе погадаю... – протянула она, обескуражив его.

Дамочка сказала это с таким недовольным выражением лица, будто раскинуть карты на него – это до невозможности противное и ненавистное дело на всем белом свете. Он согласен, что его внешность не вызывает приятия, даже он сам, смотря на себя в зеркало, испытывал похожее отвращение.

Поганый характер, что уж с него взять, не позволял столь открытое пренебрежение от незнакомки, пусть и почтенного возраста, поэтому Марон нарочито медленно и широко улыбнулся. Пусть гадает! Она сама это сказала, считай, предложила, а он просто принял ее предложение.

Он-то прекрасно знал, как пугающе выглядел со стороны, когда довольно улыбался. Марон даже испытывал злорадное и извращенное удовольствие от такого рода поведения, из-за этого в нем просыпалось упорное противостояние, которое с этой минуты началось и между ними двумя...

...Креолис... Настоящее время... Луна...

Во служении Судьбе я находилась уже долгих пять лет. Волею богини я оказалась в Креолисе – в небольшом городке на периферии Ивалии.

За это время я успела посетить два крупных города – Гемиин и Туан. В народе эти два города прозвали близнецами из-за их любопытного расположения и одного рода деятельности.

Гемиин и Туан – старейшие города на территории Ивалии. Со временем они здорово разрослись до больших, крупных и развитых поселений. Эти два почти одинаковых города заняли обширную территорию прекрасных лугов, устроившись вокруг них будто девицы, водящие хоровод. Расположились они таким причудливым способом, потому что имели одно большое и общее дело – разведение чудесных лошадей, которые славились по всему миру своей грацией, верностью и умом. Эти лошади, названные в честь основателя первой фермы – Доорно, были трудолюбивы и выносливы. Было бы недальновидно использовать столь сообразительных животных лишь для выставок и мнимых соревнований среди богатых слоев населения. Распознав в сметливых лошадках отличных помощников, люди стали охотно их использовать в сельском хозяйстве, в конных службах (даже в Службе Короны), а еще тогда, когда хотели завести для себя преданного друга.

Другие страны тоже пытались разводить столь удивительных, крепких здоровьем и нужных человеку животных, однако данная порода могла плодиться только на заливных лугах между городами – близнецами. Ученые считали, что трава, которая росла на тех лугах, была необходима для развития жеребенка в утробе кобылы. Это и стало тем обстоятельством, которое предопределило основное и единственное направление двух больших городов и их жителей. Всеобщими усилиями они выводили и продавали уникальных лошадей особой породы – Доорно. Конечно, Туан считал своих лошадей лучшими, а Гемиин утверждал обратное. Так возникла шутивная бесконечная борьба, породившая веселые соревнования по праздникам между городами-отражениями.

Однажды мне довелось побывать в одном из таких хозяйств и даже погладить по теплomu носу живую диковинку Ивалии. Мне ясно помнится, что по прибытии в Туан светило яркое солнце. Оно ослепило меня, стоило мне сойти с подножки поезда. Из-за этого я не заметила подлетевшую ко мне молодую женщину, из-за которой я чуть не повалилась прямо на каменный пол вокзала. Той особе удалось меня удержать и не позволить упасть, она вежливо извинилась и сразу перешла к делу, торопливо поясняя причину, по которой она была назойлива до неприличия, как она тогда выразилась.

Гадалка лишь звучит несерьезно и шуточно, но для многих это человек оказывающий неоценимую помощь в определенный отрезок времени. Когда не знаешь, откуда ждать наводку; когда надежда внутри уже еле теплится; когда готов поверить во все, что угодно, лишь бы вылезти из той ямы, в которую попал – появляются меченные Судьбой и стучат в правильную дверь. Некоторые более смелые личности не ждали до последнего мгновенья, а, как та особа, сами обращались или приходили с просьбой к почтенным дамам с видными красными линиями на подбородке и руках.

По быстрому рассказу женщины прямо на перроне выяснилось, что причиной обращения и столь сильных переживаний была ее дочь. Мать даже решилась поймать случайно увиденную меченную Судьбой и обратиться к той, то есть ко мне, за помощью.

Растерянная женщина совсем не знала, что ей делать и как себя вести со своей кровиночкой. Ее дочка никак не могла выбрать свое будущее. Слушать советы родителей отказывалась наотрез, но и сама решение не принимала, а ей пришла пора либо продолжать учиться, либо найти работу по душе, либо присоединиться к семейному делу. Дочка и сама находилась в нервном состоянии, пряталась у себя в комнате, огрызалась, даже грубила и плохо ела. Родители заподозрили неладное, во всю беспокоились, но разговорить свое дитя у них так и не получилось, да и обратиться ко врачу убедить ее не удалось. Сердца родительские изнывали, ситуация лишь усугублялась. Пропасть недопонимания и всеобщих беспокойств между ребенком и родителями только росла, и поэтому отчаянная мать решилась поймать меня, высадившуюся на вокзале Туана.

Я уже знала, что соглашусь. Стоило только беспокойной матери коснуться моей руки, как я почувствовала зудящий толчок где-то внутри груди, там, где билось сердце. Так не самым приятным способом ощущался зов Судьбы. Богиня предельно ясно давала понять, что в этой ситуации без моей помощи не обойтись и мне совсем не стоит отказываться.

Отходить от собственного ампула было опасно, поэтому после своего согласного кивка я попросила отвезти меня к ее дочери. Мне пришлось позабыть о традиционном посещении храма Судьбы, о комнатке в гостинице, о желаниях вытянуть ноги, поесть и помыться. Я крепче сжала свой желтый зачарованный чемоданчик и проследовала за обрадовавшейся моему согласию женщиной к выходу с городского вокзала.

Семья этой женщины, как и большинство жителей Туана, тоже занималась разведением чудесных лошадей и держала небольшое хозяйство, в которое и привела меня мать тревожащего ребенка. Раскинув карты на дочь, а на самом деле, заглянув в божественный чертог и отыскав ее судьбоносную нить, я узнала, что девушка была беременна. Она не могла ничего предпринять от страха и растерянности, пыталась скрыть свое положение. Молодая девушка так сильно боялась осуждения со стороны родителей, что потеряла аппетит, исхудала. И родителей измучила, и сама страдала, думая, что избранник не придется по нраву семье. Оказалось, жених был не в почете у ее родителей, но мил ее сердцу.

Девушка здраво рассудила, что поступать в учебное заведение на полгода, а затем уходить из него на вынужденные каникулы не имело смысла, обратно могли уже и не принять. Если уж выбирать учебу, то только после рождения ребеночка. Да она и не была уверена в том, что могла покинуть на несколько лет плод своей любви ради получения знаний. Тем более уезжать от любимого ей совсем не хотелось, а тот не мог последовать за ней из-за работы, но он убеждал девушку, что готов принять любое ее решение, лишь бы она согласилась быть с ним. Он не лгал.

Как ни странно, и мать, и отец только обрадовались появлению будущего внука. Они сразу пересмотрели свое отношение к избраннику дочери, велели ему срочно явиться. Юноша после всех озвученных новостей повел себя правильно и по совести, тут же предложил пройти ритуал единения в храме Судьбы, чем обрадовал всю семью.

Весь оставшийся вечер превратился в душевные посиделки, на которых заставили присутствовать и меня. Вся семья мечтала о небольшой свадьбе и о том, как будет жить дальше

молодая семья. А я тогда размышляла о том, что не зря Судьба привела меня в этот дом, ведь если бы я не раскрыла тайну, то могло случиться большое горе из-за страхов бедной девушки. Еще чуть-чуть и страх превратился бы в телесные болезни, что повлекло бы за собой то, что не случилось.

Мне осталось лишь наблюдать с робкой улыбкой за счастьем сплоченной и увеличившейся семьи, а про себя мечтать о своем совсем призрачном женском счастье. У гостеприимных хозяев я пробыла до следующего утра, тогда- то они показали и рассказали мне о своих породистых лошадах. Как раз тогда мне удалось погладить теплый нос могучего жеребца со смешным именем Яблочко – из-за забавного круглого пятна на морде. Мне даже разрешили прокатиться на его спине.

За своевременное вмешательство мне всучили несколько купюр высокого достоинства и дали множество рекомендаций: и где лучше снять домик, и где брать продукты, и где одеваться, даже благополучно добросили до места моего будущего жилья, где я стала хозяйкой довольно на долгий срок.

В начале своего пути мне приходилось тратить средства, накопленные служителями родного храма. Небольшую сумму и многое другое они положили для меня в зачарованный чемоданчик. Со временем я начала зарабатывать сама, получалось даже откладывать. Все же большинство обращавшихся людей оставляли монеты, иногда платили тем, чем придется, например, баночкой варенья. А купюры мне давали лишь в исключительных случаях.

Обитатели Хризантемового храма укомплектовали чемоданчик множеством нужных вещей, на все случаи жизни: от зубной щетки и мыла до небольшого складного ножа. В его невероятно вместительных недрах было все: запасное белье, сменные вещи, котелок, сковорода, специи, немного соли и сахара, зажигательные камни, лекарственные средства, понемногу разных круп, и еще много того, что могло понадобиться на первое время и в чрезвычайном случае. Там же был небольшой кошелек. Как же я горько плакала, когда обнаружила целую сокровищницу.

Ношенный, только с виду неказистый, кожаный желтенький чемодан был настоящей находкой. Он был тщательно зачарован меченным Смертью материком – в нем помещалось гораздо-гораздо больше, чем позволял его видимый объем. Такие видоизменные вещи стоили довольно дорого, а если учитывать содержимое моего чемоданчика, то это тянуло на небольшое состояние. Я не знала, как нашим старшим удалось собрать для меня такую приличную сумму и собрать столько «приданого», но я была чрезмерно благодарна родной обители Судьбы и всей ее семье.

Тогда-то от переизбытка признательных чувств у меня появилась традиция, которой я в дальнейшем всегда следовала. Когда я приезжала на новое место, то первым делом посещала местный храм Судьбы. Там я проводила маленькое обращение к Судьбе и возносила благодарности за посланных мне Епифания, Георгия, Афиону, Элеонору и Рию, да и всех-всех наших приютских ребят. Не забывала и лишний раз попросить у богини уберечь их всех и облегчить им путь.

Остальные обращавшиеся в Гемиине и в Туане не были столь запоминающимися. В основном у них были не жизненно важные вопросы: в какой банк деньги положить, открывать или не открывать свое дело, как называть будущего ребенка, вероятность беременности, правдивы ли слова мужа или жены, помочь найти свое предназначение, вопросы переезда и недвижимости и тому подобные бытовые вещи – простая и обычная жизнь людей.

Кроме городов – близнецов, я успела посетить еще три небольших городка – развитые и разросшиеся когда-то деревни. С того края Ивалии мне ярко запомнились всего два случая. В деревню попроще с красивым названием – Лироя, где и своего вокзала-то не было, меня привез экипаж дальнего хода. Там случился довольно неприятный опыт в общении с людьми.

Мне не в первый раз приходилось отказывать просящим, но тот случай оставил неизгладимое впечатление.

Я отказала раскинуть карты молодой красивой девушке – дочери местного градоправителя. Она ведь снизошла до старухи с меткой Судьбы, так и выразилась, мол, давай уже гадай, старуха меченая. А я не спешила ей помогать. Оказалось, что невоспитанная красавица никак не могла выбрать себе подходящего жениха, вот и за ответом обратилась ко мне. Дочь градоправителя хотела получить расклад меченной Судьбой, да только богиня не захотела отвечать.

Конечно, я посмотрела нить судьбы и прочитала крикливую девушку. Я поняла, почему богиня не позволяет выполнить ее просьбу. Такой «подарочек» в качестве жены Судьба не желала оставлять ни для кого из мужчин Лирои. Уж больно мужская половина населения была порядочна и добра для такой капризной и алчной девицы.

Но, как часто это бывает с привыкшими к власти над людьми, дочь такого высокого человека маленького города не могла простить мой отказ. Она кричала, топала ногами, прилюдно оскорбляла женщину в зрелом возрасте на все лады. В общем, сделала все для того, чтобы я не задержалась в Лирое ни на секунду. Но в моем появлении был огромный, судьбоносный, если можно так описать, плюс: после ее яростных криков на нее обратил свое внимание некий импозантный приезжий господин. Он и будет «подходящим» женихом для дочери градоправителя. Что ж, каждому свое. Это стечение обстоятельств лишний раз подтверждало, что ничего не бывает без участия и умысла Судьбы.

К другому запоминающемуся случаю меня привел нестерпимый зов богини, который проявлялся жжением за грудиной и ощущением чего-то неделанного и невыполненного.

Покореженный дом, который чуть дунь – и рухнет, находился на въезде небольшого поселения и был жилым. Я пришла туда без приглашения и даже без стука. С самого порога я оказалась в небольшой комнате, которая одновременно служила и спальней, и кухней. У заваленной стены на полу лежал мальчик, накрытый одеялами. Он был худой, как веточка, бледный, как селена, и, безусловно, нездоровый. Он спал беспокойно, постанывая и неровно дыша. Его мать была рядом и спала, сидя на стуле и склонив голову на собственную руку. Даже по ее спящему лицу читались безграничная усталость и отчаянье.

Мне пришлось разбудить ее, а она даже не испугалась незнакомого человека в своем доме. Заметив мои красные полосы, мать мальчика все рассказала, ничего не скрывая и не тая. С ее слов все было до противного просто: сын сильно заболел, а лекарство было чрезвычайно дорогое. Все деньги семьи уходили на лекарство, а выздоровление никак не наступало. Мать мальчика бесконечное число раз обращалась к дипломированному врачу, который принимал обычных горожан, с вопросом: почему улучшения самочувствия у сына так и не наступило. Врач же с изрядным постоянством и спокойствием отвечал, что лекарство еще не достигло нужной концентрации, просто нужно продолжать его давать так, как он прописал. Муж с женой всеми силами пытались заработать как можно больше для выздоровления своего единственного сына, а все заработанное отдавали в аптеку, где приобретали столь необходимое мальчику средство.

Раскинув карты, я слилась с чертогом богов. По судьбоносной нити сына семейства я смогла увидеть, что квалифицированный врач без метки Мора, каким бы подозрительным он не выглядел в рассказе матери, говорил правду. А заглянув немного в будущее, я посмотрела, сколько же еще необходимо дорогостоящего лекарства.

Обнадежив и заверив в правильности лечения только мать ребенка (отец отсутствовал из-за частой изнурительной работы), я достала из своего зачарованного чемоданчика почти все средства, что скопила за время своих странствий, оставив для себя лишь то, что было в небольшом кошельке.

Покидать перекошенный дом пришлось быстро, пока растерянная мать хлопала глазами. Она никак не могла понять, что перед ней оказалось то самое пресловутое спасение. Без всяких

сомнений, средства будут верно использованы и пойдут на лекарства, столь нужные мальчику. Есть все-таки некоторые плюсы в том, чтобы быть дланью Судьбы, – некоторые вещи мы знали с совершенной точностью.

Я изучала те места, в которых гостила какое-то время, посещала разные обители Судьбы, иногда была гостем и в Едином храме. Я запоминала, где находятся приятные таверны и уютные гостиницы, сдаваемые дома, лучшие торговые лавки и все, что могло понадобиться для удобства моей жизни. С мечеными Судьбой жители повсеместно вели себя уважительно, иногда даже трепетно, поэтому за время служения богини я не могла припомнить, чтобы я попала в серьезные передряги, в которых моей жизни угрожало бы что-либо.

Путь был выматывающим из-за постоянного кочевания. Ощущение отсутствия привязанности к чему-либо или к кому-либо, отсутствие дома – это порой угнетало, но в то же время это же являлось благодатью. Помогать, путешествовать, знать...

И вот сейчас Судьба привела меня в провинциальный город Креолис, и по традиции я отправилась в храм Судьбы. На отдачу почестей и вознесение прошений всем четырем богам была отведена целая улица, где расположились храмы для каждого из четырех богов.

Внутри храма Судьбы, который носил одно из цветочных названий – Васильковый, я по традиции зажгла ароматную свечу, поблагодарила богиню и пожелала для ставших родными и близкими людей благополучия, оставив на алтаре бутон белой розы в качестве подношения. Судьба ведь так любила цветы.

Стоило выйти из храмовых дверей, как я едва не сшибла странного и по-настоящему пугающего мужчину. Мало того что по обе стороны от него шли два огромных королевских дога, которые доходили ему едва ли не до пояса, так и выглядел он настоящим противником закона.

Его здоровые, зубастые псы наводили не меньше страха, чем сам хозяин, потому что лицо мужчины было давным-давно обожжено, старый рубец уродовал когда-то красивое лицо. Левая бровь росла лишь наполовину из-за ожога, который частично расположился и на голове.

Мужчина был абсолютно лыс. Он очевидно хромал, вынужденно опираясь на трость левой рукой, был одет в ультрамодный костюм-тройку в черно-белую полоску. Именно это вызывало мою личную неприязнь. Я не в состоянии понять и принять гонку за сезонной модой. Я была приверженцем любви к собственному и неповторимому стилю, которому следовала. Вещи я носила и покупала исключительно для души, а не то, что этот... в полосатом костюме.

Не меньшее устрашение мужчине придавало выражение лица, которое было далеко от радушного. Взгляд его цепких стальных глаз пригвоздил меня к месту, лишая возможности отойти хоть немного от его тела. Его ловкая привычка перекачивать монетку, которая то падала, то исчезала между его крепких пальцев правой руки, придавала всему образу выраженную опасность и резко сигнализировала о вспыльчивом и нервном характере. Еще и трехдневная щетина, скрывающая тяжелый квадратный подбородок, подчеркивала недисциплинированность натуры данного индивида. Угрозило же меня столкнуться с этим человеком у дверей храма!

Я все же знала, что не бывает ничего случайного. Как назло, стоило так подумать, как в груди возник жгучий зуд, красноречиво сообщающий, кому я буду помогать в ближайшее время. Стоило осознать, с кем мне придется иметь дело по воле Судьбы, как я тут же испуганно отскочила от мужчины. Мысли о сне и еде улетели на неопределенный срок, поэтому я нехотя и недовольно протянула:

– Я тебе погадаю...

Мысленно названный преступником мужчина растянул сухие губы в недоброй и злобшей улыбке, этим еще больше меня пугая... Судьба, к кому же ты меня привела?!

Глава 2.

Одна из собак, сопровождавших мужчину с ожогом на лице, разрушила напряжение и страх, которое зависло во мне и грозило вылиться во что-то совершенно мне несвойственное. Пес неожиданно для меня ткнулся в мою ладонь мокрым носом. От внезапности прикосновения животного я заметно вздрогнула и переключила свое внимание с сомнительного хозяина на прекрасного питомца.

Королевский дог мраморной расцветки – потрясающая смесь из опасности и красоты, присущей манерным аристократам. Дог с таким веселым любопытством смотрел на меня, что мне сразу захотелось его погладить по большой голове, что я и сделала. Аккуратно, нежно, самыми кончиками пальцев я коснулась его теплой, жесткой шерсти. Это вызывало улыбку на лице.

Пришло время вернуть взгляд на того, к кому Судьба обозначила проявить содействие. Подняв на него глаза, я почувствовала, как ужас с новой силой захлестнул меня. Небритый, преступного вида мужчина смотрел на меня и своего пса таким многообещающим взглядом, что я снова забеспокоилась за свою телесную целостность. Видимо, трогать пса было запрещено, и я перешла все писанные и неписанные законы, за нарушение которых придется дорого заплатить. Об этом я судила по его взгляду, который искрился желанием свернуть мне шею, так и читалось в глазах хозяина королевский догов. Спасала меня единственная мысль, что в данном случае виновата была не я одна, но и одна из его собак тоже, значит, и наказание будет не только для меня одной. Если меня он точно не пожалеет, то своим породистым питомцем, хотелось бы верить, он дорожил. Это обнадежило и вселило уверенность в дальнейшее мое существование. Все равно от Судьбы не уйти, а мне нужно было выполнить волю богини, и лучше не мешкая. Набравшись смелости, я произнесла:

– Прямо здесь карты раскину, хорошо?

Он окинул меня изумленным взглядом, наверное, в поисках сумасшествия, которое, по его мнению, должно было вывалиться у меня из чемодана, и каркнул вместо внятного ответа:

– Здесь... это где? На прихрамовой лестнице? Как ты себе это представляешь?!

Вместо того чтобы возмутиться неподобающим поведением с седовласой меченной Судьбой, я почему-то виновато кивнула, оправдывая свое чувство вины тем, что просто не подумала об его больной ноге. Действительно, лестница не самое удобное место для человека с тростью.

Этот мужчина меня пугал, а страх не давал мне возможности нормально мыслить, учитывая, что я только что сошла с поезда в этом городе и всего-то успела традиционно посетить храм Судьбы...

Я тяжело вдохнула, не зная, что сказать.

– Мне это не нужно, – нагло заявил хозяин псов и двинулся для того, чтобы обойти меня и уйти. Изумительно, на моей памяти это был первый раз, когда кто-то отказался и собирался уйти от длани Судьбы. Он что... в рубашке был рожден?

– Еще как нужно. Я-то уж точно знаю! – смело заявила я, не собираясь терпеть этот грудной зуд еще какое-то время, и крепко ухватила мужчину под локоток, на случай, если он решится попробовать меня от себя отцепить. Но ничего у него не получится, по крайней мере, без ярого сопротивления.

– Я только-только приехала в Креолис. Где тут вкусно кормят, покажешь? – миролюбиво спросила я, пока этот страшный человек не сказал очередную глупость и не накликал на себя беду.

Какое страдальческое выражение лица возникло у мужчины, откровенно повышая мое настроение и заставляя улыбаться.

– Бабулечка... – начал говорить он.

Даже не он, а его будущий труп... Решено!

Видимо, что-то очень знакомое и выразительное увидел мой судьбоносный спутник и вовремя опомнился. Верно, с женщинами о возрасте говорить нельзя – жизнеугрожающее занятие. Мужчина сокрушенно покачал головой, а затем согласился проводить меня туда, где будет вкусный ужин. Собаки радостно залаяли, будто поняли, о чем сейчас шел разговор, а мужчина еле слышно буркнул себе под нос:

– Предатели.

Две здоровенные псины явно догадались, что скоро им перепадет нечто вкусненькое, поэтому и воодушевились. Чтобы их хозяин не успел опомниться и нечто вкусненькое досталось и мне, я потянула его за руку в понравившуюся сторону.

– Не туда, – с очевидным горем в голосе произнес он.

Наверное, он подумал, что ему попалась самая наглая и настырная меченная Судьбой (на то и текла во мне руальская кровь), но другую Судьба ему не приведет. Придется этому мужчине иметь дело именно со мной...

Я широко улыбнулась, довольная тем, что скоро утолю свой голод и переведу дух, а то от усталости уже ноги подкашивались и утомительно гудели. Впрочем, я была довольна еще и тем обстоятельством, что не будет этой уже изрядно поднадоевшей неизвестности, а будет хоть какая-то стабильность. Уже за эти ощущения я готова была мириться с обществом хамоватого, преступного вида мужчины.

– Лууна, – негромко представилась я.

– Марон, – так же тихо ответил он.

Затем он указал на каждую из собак, по очереди назвав их имена:

– Алсо и Дипер.

Псы у Марона были примечательные, надрессированные, крайне сообразительные. Они спокойно и величаво вышагивали по обе стороны от нас, но, дай им повод, в ту же секунду смогли бы откусить то, что сочли бы лишним. И сам Марон, конечно же, тоже во всех смыслах – примечательный.

Несмотря на его выраженную хромоту, он довольно бодро перемещался с помощью трости, я даже еле попевала за ним. Его пальцы так ловко перекачивали монетку в одну сторону, а затем в другую, что я снова задумалась об интригующих и интересных способностях, которыми он обладал. В моей голове никак не укладывалось то, что Марон – настоящий преступник, хотя его облик и поведение соответствовали этому выводу. Манеры его выдавали. Хоть он был и грубиян первостатейный, но высоко поднятая голова, уверенность, которой от него веяло на расстоянии, выдавали в нем человека, которому все должны. Его цепкий взгляд следил, ловил и изучал каждое движение, каждое слово окружающих прохожих. Он либо высококвалифицированный убийца, либо некто из службы Короны. Вряд ли Судьба решила помочь кого-то убить, поэтому...

Ах, да, еще и королевские доги – отменно выученные охранники. Не каждому по карману приобрести таких, тем более не каждому такие питомцы были и нужны.

Путь к месту, где должны были вкусно кормить, я запомнила, к тому же от улицы, посвященной всем богам, идти было не так уж и далеко. Шли мы молча. Я изучала спутника, и, думается мне, спутник изучал меня. Все честно.

Вывеска на двухэтажном здании с небольшой терраской гласила: «Пивная». Довольно лаконичное название, по моему мнению, или фантазия у хозяина... прямолинейная.

Под навесом все столики были уже заняты отдыхающим народом. Свистнув собакам и приказав тем сидеть у входа, Марон провел меня внутрь питейного заведения, где посетителей оказалось еще больше, чем на улице. Сопровождающий меня мужчина рассек толпу, как заточенный тесак кусок талого масла. Не мешала ему ни трость, ни хромота. Мне пришлось юрко следовать за ним.

Почему-то все собравшиеся в «Пивной» ошарашенно глазели на меня, а не на хромого Марона, одетого богато и вычурно, с бросающимся в глаза шрамом на лице и с блестящей тростью в руке. Вывод я сделала однозначный – длани Судьбы не ходят в «Пивные». Об излишнем внимании надо было мне подумать заранее, но кто же знал, что этот нехороший человек в модном костюмчике в полоску приведет почтенную даму в подобное заведение. Расчет Марона был на то, что я уйду и исчезну с глаз его... но не на ту он нарвался. Я останусь. С удовольствием и поем, и карты раскину!

Судя по бормотанию, которое издавалось от несносного мужчины с внешностью преступника, он был и сам уже не рад, что оказался в толпе людей. Однако с хозяином таверны он договорился, и спустя несколько минут я уже сидела на жестком стуле и изучала скудное на выбор блюд, но богатое на алкогольные напитки меню. Свой выбор я спутнику не доверила, ожидая, что он в очередной раз мне мелочно напакостит. Я решила попробовать жаркое с квашеной капустой и медовуху – это был самый легкий напиток из подаваемых в этом местечке.

Услышав мой выбор, Марон хмыкнул и заказал себе почти то же самое, только вместо медово-хмельного питья он взял себе темного пива. Вдобавок он попросил принести хрустящих чесночных гренков, впоследствии все их съела я, но это не столь важно.

Во время того как я смаковала наивкуснейшую картошечку с тушеным мясом (так мне казалось после долго и вынужденного голодания), я ни на что не обращала внимания. Впрочем, мой спутник был так же голоден, как и я. Он был так же полностью сконцентрирован на вкусной и ароматной еде. Но стоило тарелке опустеть, сразу стало ясно, что мою метку посетители уже разглядели. Нас уже окружила парочка желающих обратиться и спросить совета у меченной Судьбы, то есть у меня. Люди, столпившиеся недалеко от нашего столика, явно жаждали начать разговор, но я подняла руку вверх, обрывая их стремление на корню, и обратилась к сидящему напротив мужчине.

– Начнем с тебя, – смело заявила я и полезла в чемоданчик за своими картами.

Уголок губ Марона снова приподнялся то ли от презрения, то ли от любопытства – сходу мне не удалось разобрать. Достав красивую, но уже изрядно потрепанную за время странствий колоду, я приступила к делу. Тасуя карты, я закрыла глаза, тем самым сосредотачиваясь на своей метке и слиянии с божественным чертогом. Не сразу, но мне удалось настроиться на нужную волну, отыскать нить Марона в полотне Судьбы и немного разглядеть события, которые привели его сюда, в Креолис.

Я вытянула первую карту и начала говорить:

– Хм-м-м... по делу появился тут... там что-то печатают... типография? Зачем тебе?

Я не поняла, при чем здесь типография, и не успела просмотреть судьбоносную нить дальше, потому что Марон громко хлопнул ладонью по столу. От неожиданности я дернулась и потеряла концентрацию.

– Достаточно! – веско произнес мужчина с очень грозным видом.

Из своего внутреннего кармана он достал пару купюр и расплатился сразу за нас двоих, при этом бросив мне суровое указание:

– Следуй за мной.

Это был в действительности приказ. Сначала я опешила от несоизмеримой наглости этого человека. Уж что-что, а дланям Судьбы, свободно передвигающимся по великой стране Ивалии, не приказывали. Покорно послушаться мне мешала гордость. Да, именно гордость. Однако благоразумие шептало, что сейчас нужно побыть хорошей девочкой, точнее, мудрой дамой в годах, и сделать так, как говорит явно взбешенный мужчина.

Когда я начала вставать из-за стола с не менее яростным выражением лица, чем у моего спутника, близко стоящий ко мне очень смелый здоровяк, у которого торчало пузо из-под явно маловатой одежды, загородил мне путь и губами-пельменями произнес:

– Госпожа, раскиньте карты и для меня...

Пока я хлопала глазами, раздумывая над тем, как бы выразиться помягче, Марон уже схватил меня за руку и потащил прочь, напоследок угрожающе бросив, не поворачиваясь:

– Она занята.

Этого было достаточно для того, чтобы охладить пыл желающих и позволить нам спокойно выти из питейной. У дверей нас встретили недовольные псы ленивым помахиванием длинных хвостов – их-то так никто и не накормил. И только уже отойдя на приличное расстояние от заведения с предельно ясным названием «Пивная», я сообразила, что пора заканчивать с этим «тяни Лууну, куда вздумается». Я резко затормозила Марона, не давая дальше сдвинуться с места, и закономерно спросила:

– А куда это вы меня тянете?

– Ко мне, – последовал очень простой ответ.

– Что?! – возмутилась я.

Лучше бы я этого не делала, потому что Марон молниеносно развернулся ко мне лицом. Теперь он не просто напоминал преступника – он им был. Выражение его лица пугало меня до трясущихся коленок, таким безжалостным и опасным оно выглядело. Безобразного ожога было уже достаточно для ужаса, а уж вкупе с таким свирепым и злобным выражением, в котором так и читалось не просто желание меня прикончить, но и выполнить это мимическое обещание, заставляло меня бежать, как можно дальше... Любой бы испугался. Я попятилась назад в тщетной попытке освободиться, но мужчина так и не выпустил мою ладонь и не позволил отдалиться ни на шаг. Он отобрал мой чемоданчик и прошептал:

– Ты идешь за мной. Это не обсуждается.

Правда, прошептал, но этот его шепот был еще страшнее, чем выражение лица. В его тихих словах была заключена ярость огромной мощи, которая обещала мне не самую приятную кончину. Я так сильно испугалась, что лишь судорожно закивала и безропотно последовала за ним. Я свято верила Судьбе и знала точно, что она не послала бы меня в лапы человеку, который мог бы причинить вред. По каким-то неведомым причинам я не могла сопротивляться пугающему влиянию Марона. Мне начало казаться, что он намеренно вселял животный ужас, ведь когда боишься, то выполняешь все, что скажут, без вопросов и лишних телодвижений. С этим я была намерена бороться, но не сейчас... Сейчас во мне не было сил на сопротивление. Марон еще узнает, насколько могут быть бесстрашными меченные богиней.

Алсо или же Дипер также подтвердил, что мне нечего бояться: один из псов подлез под мою руку таким образом, что его холка оказалась прямо под моей ладонью. Я тут же вцепилась пальцами в его короткую, жесткую шерсть, как в спасительную соломинку. Такая простая, казалось бы, поддержка от животного обнадежила и не позволила скатиться в позорящую достоинство истерику.

Какое-то время я старалась запоминать улицы, по которым Марон вел меня, но, так как этого не хотел он сам, намеренно путая дороги, проходя несколько раз по одним и тем же улочкам, я перестала и пытаться что-либо запомнить. Если честно, я устала и совершенно вымоталась, мне было совсем не до ухищрений этого нехорошего человека, который умышленно издевался над дамой почтенного возраста.

Мои ноги стали ватными и на диво неустойчивыми, я все чаще стала запинаться, спотыкаться, а про себя на все лады костерила тянущего меня за собой мужчину. Еще немного – и удержать при себе собственное мнение было бы невозможно, я сказала бы прямо все то выразительное, что надумала за время блужданий по Креолису, но мы добрались. Марон остановился перед неприметной дверью одноэтажного домика, который вот-вот погибнет и развалиться без должного ухода. Устало прислонившись к стене, я тяжело выдохнула и произнесла про себя хвалу Судьбе о том, что можно просто постоять. Тут же я услышала едкое приглашение:

– Добро пожаловать!

С этими словами мучитель женщин толкнул покосившуюся дверь, которая открылась с душераздирающим, даже предсмертным, скрипом. Я храбро вздернула подбородок, подняла повыше свою яркую ситцевую юбку, расшитую белым кружевом, открыв тем самым потрясающий вид на такие же вырвы глаз чулки в красно-белую полоску и коротенькие походные сапожки. Да! У меня был свой стиль! Весна в Ивалии довольно коварная, а шерстяные чулки очень помогали сохранить тепло. Ну и что, что молодые модницы такое не носили, главное – честь и достоинство в тепле, а о вкусах можно спорить сколько угодно. В моем мнимом возрасте вообще многое позволительно.

Вид моего красно-белого протеста модным тенденциям хоть ненадолго, но все же выбил из колеи Марона. Он был явно растерян, и, пока он снова не начал меня запугивать, я приступила к осмотру места своего удержания. Увиденное меня приятно удивило. Никогда бы не подумала, что за таким непритязательным и умирающим внешним обликом дома скрывалась очень уютная квартирка.

Маленькая и простая прихожая, сразу же переходящая в основную комнату с кроватью, а за следующим переходом находилась кухня. Вокруг царили чистота и порядок. Для одного жильца такая «конура» – очень даже подходящий вариант. Кухня, правда, была слишком маленькой из-за здоровенной лежанки для собак. Размером она была как односпальная кровать для парочки лошадей и круто скрадывала место. Но подходящее расположение маленького круглого столика и единственного стула не мешало использовать кухонную комнату по прямому назначению.

После изнурительного и длительного пути я чувствовала себя опустошенной и не проявляла уже никакого интереса к Марону и его продуманному устрашению, которое сквозило в каждом жесте. Даже тогда, когда он показательно доставал смачное мясное пропитание для своих питомцев из хладника и на плите разогревал Алсо и Диперу еду под их голодными взглядами, мне уже не было до всего этого дела, тем более ни о каком раскладе не могло быть и речи. Пока он вместе с тростью ловко крутился на маленьком пятачке кухни, я присела на единственный стул, а потом плюнула на все происходящее, положила голову на свои руки и задремала. Как я очутилась на единственной кровати в единственной же комнате – понятия не имела, но вряд ли королевские доги совместными усилиями устроили меня на постели поудобнее. Сомневаться в том, что Марон меня удостоил высокой чести и уступил мне собственную кровать, не приходилось. Вместо того чтобы принять это как благодарность и извинение за игру на нервах и умышленное изнурение, я испытывала жгучую неловкость, стыд и любопытство от мысли, где же все-таки ночевал сам Марон?

... Креолис... Квартира службы Короны... Марон...

Чертова пигалица, меченная Судьбой, спутала все планы! И не имело значения, что планов на сегодня было не так уж и много, но он и в кошмарном сне не мог видеть, что придется вести эту дамочку ужинать. Он так надеялся, что она испугается или хотя бы почувствует себя неуместно в заведении, так сказать, для узкого круга обывателей. Но, гляди ж ты, кудрявая бестия крепкой оказалась, вонзилась занозой в одно место – и не выдернуть. Это было не единственное, что его не особо приятно поразило. Меченная богиней Судьбой начала рассказывать о причинах, которые привели его в Креолис. Она не могла знать о типографии. Даже в Тайном отделе службы Короны об этом знали единицы, а кудряшка с первой карты прямо в цель попала. Конечно, Марон не сомневался, что длань Судьбы обладала настоящим даром, о чем сигнализировала открытая взгляду красная метка на подбородке и руках, но столкнуться с этим самому – совсем другое дело.

Длани Судьбы действительно видели нечто большее по своим картам. Но Марону всегда представлялось, что дар их распространялся на обычных людей и использовался в самых различных житейских проблемах, например, когда вспахивать поле или пора ли собирать урожай; найдет ли невеста жениха, а если найдет, то когда, и наоборот. Он и подумать не мог,

что можно было использовать зрелую даму (даже если и меченную Судьбой) в расследовании, например, убийства. Но, к его глубокому сожалению, получалось, что именно это и происходило: кудрявая заноза с именем Лууна лезет в расследование опасного и крайне важного для Короны Ивалии дела.

Марон был убежден, что Лууна не отцепится от него, пока не выполнит предназначение Судьбы. Предсказание было, действительно, многообещающим и тогда, в Пивной, оно во всю говорило, что пора было уносить оттуда ноги, чтобы, не дай все боги, кто-то понял, о чем ее слова. Длань Судьбы необходимо было выслушать в более уединенном месте.

От вынужденного положения, в которое его поставило божественное вмешательство, он испытывал смятение, а помимо этого чувства его обуревала злость. Боги не подсылают абы кого и просто так, а это означало, что Лууна будет участвовать во всем и, скорее всего, до самого конца. И это его бесило еще больше. Только он никак не мог понять, что так неоспоримо вызывало у него отторжение: невозможность действовать одному, как прежде, или конкретное участие кудрявой занозы.

Напугав Лууну до молчаливого следования его указаниям, он привел ее в свое временное служебное пристанище. Марон совсем не хотел с ней разговаривать, дабы не придушить этот кладезь цветной одежды. Он не хотел посвящать ее в дело, и уж тем более он не хотел, чтобы она перешла к действиям и узнала все сама, ведь стоило ей приступить к раскладу, как она моментально будет вовлечена в тайную игру.

Умышленно не обращая внимания на меченную Судьбой, хромой службист Короны приступил к заботе о своих верных друзьях – собаках, и пока он громыхал посудой, Лууна уснула прямо за столом. Меченная Судьбой, названная Мароном занозой, совсем не обратила внимание на шум, который он в бешенстве издавал.

Марону – взрослому вроде бы мужчине – стало невообразимо стыдно перед неповинной женщиной, которую он по собственным соображениям замучил, да еще и пытался по-детски поиздеваться и отомстить. Он невозможно тихо подкрался к спящей женщине, насколько это позволяла больная нога и постукивание трости, взял ее на руки и понес на единственную кровать в этом доме. Добраться до постели с ношей он точно сможет. Почувствовав женское тело на своих руках, он изумился: какая она подозрительно легкая и ладная, что ли... Это было очень странным для женщины в годах, но подробнее рассмотреть ее лицо мешали вездесущие кудряшки. Ощущение неправильности и несоответствия тела и внешнего облика его не покидало.

Марон уложил Лууну на свою кровать и только тогда получил возможность разглядеть лицо занозы, приведенной Судьбой. Он очень долго вглядывался в ее умиротворенное лицо, зато ему сразу стали понятны все неувязки действительности с личными ощущениями.

Что же, длани Судьбы оказались еще загадочнее, чем ему бы хотелось... На его кровати спала юная девушка, лицо ее было несомненно молодым и даже привлекательным, хотя совсем недавно на этом же лице были признаки почтенного возраста. Ресницы молодой девы легонько подрагивали, подтверждая ее глубокий сон, губы были бледны, выдавая ее переутомление, а уголки рта были опущены, что явно говорило не о самых лучших снах. Одни кудри остались все такими же седыми, доказывая, что зрелая дама все-таки была, и ему ничего не привиделось.

Похоже, Марон знал о меченных Судьбой преступно мало, и это стоило исправить в кратчайшие сроки. Он уверен, что когда Лууна проснется, то будет прежней, седовласой женщиной. Марон решил не раскрывать, что случайно узнал небольшую тайну девушки, по крайней мере, пока. Но узнать больше об этом не помешало бы.

Быстро начиркав карандашом запрос на маленькой бумажке из своего блокнота, он крайне медленно провел над клочком бумаги рукой. По мере движения его ладони бумага начала тлеть и прямо на глазах сгорать, исчезая и не оставляя за собой ни единого следа. По ненавистному ожогу Марона скатилась капелька пота, кажется, на сегодня с него было доста-

точно. Небрежно утерев лицо костюмной тканью, он отправился в душ, оставляя на кровати спящую божественную занозу, вонзившуюся в его дело. Вопрос он задал, и ему оставалось только ждать ответа. Он его несомненно дождетя.

Этот день был тяжелым и нетривиальным. Завтра предстояло приступить к расследованию, а ему еще нужно было обдумать такую малость, как то, где бросить свое брненное, уставшее тело. Все его идеи омрачала большая конечность. Так и не определившись, он вышел из ванной комнаты и аккуратно устроился с самого края кровати, не тревожа свалившуюся на него у храма соседку. Марон удобнее уложил свою больную ногу, да так и заснул, размышляя о том, что вставать придется до отвратительного рано, дабы сохранить свое ночное присутствие рядом с юной девушкой в секрете.

... Креолис... В гостях у Марона... Лууна...

Неловко пригладив топорщащиеся во все стороны белые кудряшки и поправив ужасно мятую юбку и рубашку, я почувствовала себя жутко неопрятной и ни капельки не выспавшейся. Перед сном никто и не додумался даже снять с меня ботинки, а спать в уличной обуви не удобно! Спала я, конечно, как убитая, но прилива сил после такого сна я не ощутила, и настроение у меня было соответствующее.

На скромную кухню я пришла поникшей, в ожидании очередного подвоха. Нельзя было ожидать чего-то хорошего от человека, который так рьяно меня запугивал, но, надо дать ему должное, кровать свою уступил, пожалел меня и даже не разбудил. Подвоха я не находила, зато нашла Марона. Он снова хозяйничал у плиты, отставив свою трость в сторону. Алсо и Дипер наблюдали за своим хозяином со своей громадной лежанки.

Одет был Марон в очередной новомодной расцветки костюм, в этот раз мой глаз не радовала голубая клетка. Мое настроение упало еще немного. Не любила я современную моду – и все тут.

Вчера мне было некогда рассматривать мужчину более внимательно, зато сейчас я очень подробно рассмотрела его лысую голову, кошмарный шрам на левой верхней половине лица, щетину, которая стала более явной со вчерашнего дня. В какую же передрыгу попал этот человек? И хочу ли я это знать на самом деле?

– Доброе утро! – поприветствовал меня мужчина с улыбкой маньяка.

Однако он ловко разложил по тарелкам еще шкварчащую яичницу с ароматными колбасками, а добавок еще мелко нашинковал зелень и посыпал сверху обе порции.

– Доброе утро... – угрюмо произнесла я, наблюдая за ошеломляющими меня действиями Марона.

Оказывается, разбойничьего вида хам готовил ничуть не хуже поваров. Мог бы еще вчера вкусно накормить ужином, а не водить зрелую даму по сомнительным заведениям.

– Почему хмуришься? – спросил Марон, выставляя на стол только одну тарелку для меня.

Сам остался есть стоя, прямо у плиты. Не дожидаясь моего ответа, он с аппетитом приступил поглощать свой завтрак. Я хотела сесть за стол, но испытывала какие-то двоякие, непонятные, чувства. Вроде бы мне положено устроиться на стуле как женщине, тем более в возрасте, но перед мужчиной с явным недугом было как-то неудобно, ведь он сам завтракал стоя. В то же время мне совсем не хотелось задеть его достоинство или нечаянно оскорбить. Все-таки каким-бы ядовитым Марон ни был, пока он не сделал мне ничего плохого, Слава Судьбе, и даже не убил. Грубиян только, да что с него взять, зато он меня приютил и даже накормить собирался.

Марон заметил мои терзания и развеял их:

– Присаживайся, Лууна! Сидеть мне больнее, чем стоять. Поэтому не трать наше время. Завтракай и иди в ванную, приводи себя в порядок. У тебя есть всего полчаса на сборы.

– Я не ослышалась? Ты сказал наше время? – удивленно переспросила я, не став заострять свое внимание на командирских замашках этого человека. Мне действительно нужно было

время на то, чтобы посмотреть нить его судьбы и оказать помощь, ради которой я и находилась здесь.

– Да! Наше! И я смею надеяться, что за выделенное время ты вполне успеешь воспользоваться даром Судьбы.

«Отлично!» – подумала я и согласно кивнула. Быстрее расправимся с этим делом – быстрее я освобожусь от странной и пугающей компании хозяина и его двух здоровенных питомцев. Это воодушевило на скорое поедание превосходной глазуни, после которого я честно помыла за собой тарелку и прошла в ванную комнату, не забыв прихватить с собой свой желтенький чемоданчик, где лежало все, что мне требовалось на все случаи жизни. Например, на ночевку в неподобающем месте, да еще и не одной.

Несмотря на малое количество отведенного времени, я все равно приняла душ. Освежиться после всего неожиданно свалившего на мою седую голову было верхом из списка насущных желаний, а уже потом в этом списке значилось – избавиться поскорей от Марона. Задерживаться в ванной я, конечно, не стала и привела себя в порядок крайне быстро.

Я переоделась в чистую и немятую ситцевую юбку зазорного красного цвета в зеленый горошек, строгую зеленую рубашку с воланами на руках, не забыла надеть теплый удлиненный пиджак, дабы не замерзнуть из-за переменчивости весеннего настроения. И куда уж без зазорных теплых носочков? Сегодняшний мой выбор пал на простые... ярко-желтые. Если не задирать подол, то никто и не заметит их насыщенный цвет.

Бегло посмотрев на себя в небольшое зеркало, я победно улыбнулась. Я давно поняла, что окружающие люди снисходительны к старческим причудам, и бессовестно этим пользовалась, выражая свою индивидуальность в странных нарядах. Что поделывать, если мне нравились яркие цвета и безумные сочетания?

Выплыла я на кухню довольная собой, особенно учитывая тот факт, что я уложила всего в двадцать минут. А это значило, что времени на расклад у меня предостаточно.

В мое отсутствие Марон смаковал свежесваренный кофе, аромат которого я почувствовала сразу же, как только открыла дверь ванной комнаты. Мужчина стоял там же, у плиты. Складывалось впечатление, что он всего-то наблюдал за трапезой двух королевский догов, но на самом деле он сосредоточено размышлял о чем-то, а судя по хмурому лицу, это что-то ему категорически не нравилось. Небрежным движением руки он почесал небритый подбородок и обратил свое внимание на меня:

– Отлично выглядишь.

Марон улыбнулся какой-то зазорной и веселой улыбкой, которая ему очень шла. Но его нетипичное поведение сразу вызвало у меня недоверие. Совсем не так отзывались о моих нарядах, чаще всего недовольные моим видом говорили, что я воплощенное мучение для всех художников и любителей всего прекрасного. Но Марон выглядел искренним, поэтому я ничего не сказала, а лишь согласно кивнула. По моему мнению, я выглядела отлично.

Больше не растрчивая время попусту, я достала из чемоданчика свою колоду и принялась ее тасовать, а Марон встал у меня за спиной и наблюдал за тем, как я перемешиваю карты. Пока карты в моих руках перетягивали внимание на себя, я мысленно обратилась к своей метке, активируя дар. Я стала погружаться в божественный чертог, откуда совсем скоро узнаю, зачем я здесь и зачем здесь Марон. Всего-то нужно было найти его нить судьбы, посмотреть события, которые привели Марона сюда. Возможно, мне повезет и я даже узнаю, кто же он такой, не заглядывая совсем далеко в полотно его судьбы.

Итак, найдя в чертоге нить, которая являлась прообразом жизни Марона, я уже видела, что все несколько запутанней, чем могло показаться на первый взгляд. Конечно, мне хотелось капнуть поглубже и выяснить, откуда у него такие страшные ожоги, но пользоваться меткой Судьбы в личных интересах было неправильно. Вряд ли богиня наслала бы на меня божественную кару из-за этого проступка, однако я больше остальных понимала, как опасны лишние зна-

ния и к каким непредвиденным изменениям это могло привести. Мне не хотелось послужить причиной неблагоприятных изменений в чьей-то судьбе, тем более из-за банального любопытства. Но вот будущее, судя по узлу, который не пускает меня дальше по нити, еще не определено.

Судьба – справедливая богиня. Она всегда дает своим детям выбор, иначе все живое жило бы по божественным указаниям. По большей части именно из-за личного выбора человеческая жизнь складывалась так, как складывалась, а не иначе.

В данном случае узел на нити судьбы Марона сообщал о том, что в ближайшем будущем нескольким людям предстояло сделать множество выборов, и только после этого картина станет более ясной. Это обстоятельство, конечно же, меня расстроило, потому что быстро разобраться и избавиться от общества грубоватого мужчины точно не выйдет. Но стоило все же узнать, зачем богиня привела меня к Марону.

Что ж, первые впечатления о нем были не верны и ошибочны. Марон не был ни преступником, ни разбойником, ни убийцей, он был службистом Короны, а в Креолис его привело расследование. Между прочим, очень важное для всей Ивалии расследование.

Скрыто ото всех происходило распространение умственной заразы, а именно направленное изменение настроения простого народа к людям, меченным богами. Пока что активисты, выступающие против существующих позиций, не переступали законов Короны. Они всего лишь усиленно агитировали народ, настраивая их против одаренных, но это же только начало...

Даже не заглядывая вперед, я могла себе представить, в какой пожар эта искра бунта могла разгореться, если не затушить ее прямо сейчас. И, судя по желанию богини Судьбы, я должна посодействовать Марону всем, чем могла. Он приехал сюда из самой Вельхоры тайно вести расследование, которое и привело его сюда. В Креолисе его интересовала типография, как я и сказала еще в «Пивной», и сейчас именно туда он так спешил. И правильно делал. Только времени все меньше и меньше на то, чтобы успеть...

Я резко вынырнула из чертога и застонала от осознания того, что времени катастрофически не хватало. Но почему же нам стоило поспешить, я не успела посмотреть из-за той же нехватки времени. Все свои хаотичные мысли я судорожно пыталась донести до Марона: все то, что получилось увидеть и не увидеть, а домыслить. Получалось у меня не совсем четко и внятно, потому что больше всего меня беспокоило лишь одно – то, что нам пора бежать.

Пока я делилась своими знаниями, я разглядывала сосредоточенное обоженное лицо службиста, который старательно пытался понять, что я ему пыталась донести. Однако вся моя словесная суэта резко оборвалась на полуслове тогда, когда прямо на кухонном столе стало проявляться запечатанное послание. Выглядело это так, будто письмо сгорало в обратном направлении. Прислано оно было с помощью дара огня, которым наделяла метка богини Природы.

Не проронив ни слова, Марон медленно вскрыл маленькую записку, бегло пробежался глазами по написанному и кинул на меня быстрый взгляд, а затем сжег письмо прямо на своей раскрытой ладони. Ох, значит, и он отмечен Природой. Как же так получилось, что у него такой страшный ожог, если огонь его же стихия? Пока я думала совсем не о том, о чем следовало бы, Марон обратился ко мне:

– Поторопимся, раз тебе хочется побыстрее оказаться на встрече с владельцем здешней типографии. По дороге я расскажу тебе все то небольшое из того, что я могу открыть.

Мужчина оглушительно свистнул своим псам, а я поднялась со стула, заодно скинув карты в свой зачарованный чемоданчик. Я хотела прямо с багажом отправиться на встречу и даже направилась на выход с поклажей в руке, но меня остановил грозный мужской окрик:

– Вещи оставь здесь.

Спорить было бесполезно, я точно знала!

Честно говоря, расставаться с Мароном мне уже расхотелось. Необходимость предотвращения грядущей беды вышла на ведущее место в списке насущных дел. Выполнить в одиночку это непростое дело невозможно, и поэтому я послушно опустила свой желтый чемоданчик и осторожно проследовала за Мароном и его питомцами на выход из дома. Из дома, в котором придется ютиться вместе с опасным и непредсказуемым мужчиной. Это меня уже не то чтобы пугало, ведь, рассмотрев судьбоносную нить Марона, я смогла узнать его получше. Больше меня страшили неопределившееся будущее и большая вероятность страшной участи для множества людей.

... *Марон...*

Ему не нужно было быть меченым Судьбой, чтобы понять еще при первом столкновении, что с Лууной будут большие проблемы. И чем больше времени он с ней проводил, тем увереннее был на этот счет.

Марон устало потер лицо, пытаясь взбодриться после ночи. Ему не удалось выспаться как следует, и поэтому ноющая боль в левой ноге была мучительней обычного.

Когда все вышли на улицу, он просто захлопнул скрипучую дверь, зная, что в его берлогу никто не сунется. Захватив руку несуразного цветного пятна, которое было Лууной. Он вынудил ее последовать за собой вверх по улице.

Марон еще вчера договорился с владельцем типографии о встрече, а пока они шли, он решил просветить нечаянную напарницу хотя бы немного. Тем более в записке, которую он получил с пламенем перед самым выходом, было явное указание не только от куратора этого дела, но и от целой длани Судьбы Короны. Там было сказано, чтобы он не смел противостоять присутствию посланницы богини в расследовании. Пятнадцать лет он служил Короне и никогда не имел дел с монаршей дланью Судьбы, правда, он вообще не имел никаких дел с мечеными Судьбой.

Так же в послании куратор дела подтвердил догадки самого Марона о том, что Судьба искажает истинный возраст длани Судьбы, но никаких объяснений причин такого божественного решения не поступило. Лишний раз напоминать ему о том, чтобы он держал язык за зубами, куратору не было необходимости. Марон понимал важность такой тайны. Ему было достаточно подтверждения со службы, чтобы снять окончательно все подозрения с девушки и попробовать рассмотреть в ней не занозу в мягком месте, а напарницу. По крайней мере, он может попытаться, а начать нужно было с небольших прояснений.

– Я веду расследование, – начал говорить он, – и, так как знать об этом всем и каждому необязательно, у меня – а теперь уже у нас – назначена встреча под предлогом налоговой проверки. Чтобы сделать хоть какие-то выводы, мне нужно неформально пообщаться с ее хозяином и осмотреть типографию, желательно во время отсутствия работников и самого начальника. Все ясно?

– Даже больше, чем тебе бы хотелось, – угрюмо ответила ему Лууна, а затем задала вопрос, который выбил у него весь воздух из легких. – Как типография связана с заговором?

Он резко обернулся, чтобы попытаться увидеть ее насквозь, но видел лишь ее искренние зеленые глаза, которые так часто встречались у дикого народа. А ведь он не придал особого значения ее невнятному и несвязному лепету, когда она торопила его и пыталась объясниться еще там, на служебной кухне. Марон шумно выдохнул, успокаивая себя и полностью отдавая себе отчет в том, что она видела больше и что она узнала больше, чем успела ему рассказать. Следовало бы ее внимательней слушать.

Лууна явно спешила, потому что дергала его за рукав пиджака, тем самым заставляя его продолжить путь. Марон не стал артачиться и даже пошел быстрее, чем мог себе позволить, помня о том, что она просила его поторопиться. Он продолжил рассказ более подробно, чем планировал изначально:

– Служба Короны установила, что именно на типографии Креолиса были напечатаны листовки, которые, подобно половой инфекции, распространяются по всем городам Ивалии.

Сказав это, Марон выраженно нахмурился. Он вдруг пожалел, что подобные, привычные в сущности, слова вырвались из его рта. Но извиняться он не будет, он грубый и неотесанный мужлан, служивый, и меняться он не собирался, даже ради загадочных кудрявых девиц. Стрательно не замечая укоризненного взгляда зеленых глаз руальской чертовки, он продолжил свою речь:

– Владелец типографии – чистый и благовоспитанный аристократ. Зовут его Жорж Юзвес. Он спокойно ведет свои дела. Его основной доход идет за счет новостных газет, дополнительно он держит книжную лавку, иногда в его типографию отдаются в печать разного рода книги, открытки и, как оказалось, листовки. Господин Юзвес женат, он примерный семьянин, но детей нет. Он никогда не был замечен в противозаконной деятельности. Богами отмечен он не был, но ты же понимаешь, что это не является подтверждением его участия в разжигании общественного конфликта. Тем более участие в заговоре – дело крайне затратное, не у всех хватит средств, чтобы напечатать и распространить такое огромное количество агитационных листовок, даже у владельца собственной типографии. Либо он всего лишь посредник, либо я совершил ошибку, и Жорж Юзвес здесь не при чем.

– Нет, ошибки нет. Здесь что-то другое, но увидеть это я не успела... – заявила Лууна, при этом помахав головой из стороны в сторону, от чего ее задорные белые кудряшки зажали своей жизнью.

Марон и сам давно предполагал, что в заговоре участвует несколько заинтересованных лиц, поэтому дело стоило вести тихо, чтобы успеть переловить или хотя бы раскрыть имена всех смелых затейников до того, как они залягут на дно. Ему просто нужно было время и капельку удачи. Кто знает, возможно, кудряшка принесет ему и то, и другое.

– Марон, нам стоит поспешить, – услышал он голос Лууны, полный беспокойства.

Ему оставалось лишь согласно кивнуть, однако больше ускориться он попросту не мог. Его хромяя нога работала на пределе своих возможностей.

Креолис был еще далек от столичных нововведений, и не было никакой возможности поймать пролетку. Здесь не ходил городской общественный дилижанс, не было такой необходимости. Проезжали лишь редкие экипажи местных аристократов и фермерские телеги, которым нет дела до желающих добраться до типографии как можно быстрее.

Когда Марон нервничал, то перекачивал монетку между пальцев. Во-первых, он так тренировал свою сосредоточенность, разрабатывал ловкость. Во-вторых, такое занятие отвлекало от постоянной боли разной интенсивности. Так он сделал и сейчас, чтобы хоть как-то притупить ощущение чуждого ему самому пламени в левой ноге.

– Уже за поворотом, – пробормотал Марон.

Наконец, они уперлись в здание, в котором находилась типография Креолиса, а по соседительству и книжный магазин, и приемная Господина Юзвеса. Именно сюда приносили рукописи книг, макеты газет, эскизы открыток, плакатов, афиш и так далее. Обычно типография соглашалась напечатать любой заказ, если клиент был платежеспособен. Оставалось выяснить, знал ли Господин Юзвес, как, зачем и когда распечатывались листовки с оскорблениями меченных богами и с наглыми заявлениями о притеснении людей без дара.

В компании Лууны и двух своих псов Марон прошел в книжный магазин. Звон колокольчика оповестил о приходе посетителей. Стоило им пройти, как они сразу наткнулись на сутулого, невысокого седого старичка в круглых очках на длинном носе, который расставлял свеженапечатанные произведения на стеллажи. Почтенный Господин тут же прервался от расставления новинок по полкам и обратил свой взгляд на вошедших.

– Доброе утро! Что вы хотели? – любезно спросил пожилой работник книжного магазинчика.

Старик с молчаливым неудовольствием рассмотрел двух огромных собак. Мнение пожилого мужчины о том, где должны находиться животные, легко читалось по его выражению его лица, и не для кого не осталось незамеченным и непонятым.

– Доброе утро, – быстро заговорил Марон, не желая терять время попусту. – У нас назначена встреча с Господином Юзвесом через пятнадцать минут. Собаки пойдут со мной.

Марон сразу предупредил, что собак он не оставит, на всякий случай. Учитывая его устрашающий вид, конечно же, почтенный Господин и слова не произнес против, но нашел в себе смелость спросить:

– Вам назначено?

– Да, – коротко ответил Марон.

– Пройдемте, – с чересчур наигранной и натянутой улыбкой проговорил сутулый и седой работник лавки и повел за собой посетителей до двери, замаскированной книжными стеллажами.

– Далее подниметесь по лестнице. Господин Юзвес принимает в своем кабинет. Вы не перепутаете, какая из дверей его, – сказал нам зрелый мужчина, жестом указав направление.

Марону вместе со спутницей ничего не оставалось, как проследовать туда, куда их послали. На самой первой ступеньке каменной лестницы Лууна неожиданно замерла, обернулась к Марону лицом и с обреченностью в глазах еле слышно прошептала:

– Не успели.

... Лууна... *Типография Креолиса...*

Такое со мной случалось не впервые. Крайне редко по метке Судьбы из божественного чертога поступали знания. Чаще всего они были неясные, нечеткие и ощущались догадками и повышенной интуицией. Как только я занесла ногу на первую ступеньку лестницы, ведущую к кабинету подозреваемого Мароном Господина Юзвеса, на все мои красные линии обрушилось чувство. И чувство это кричало о том, что время безвозвратно ушло.

Я озвучила свои ощущения вслух, но Марон не успел ничего ответить на мои слова. На верху лестничного пролета раздался громкий хлопок дверью, а затем послышались шаги бегущего в нашу сторону человека. Спустя мгновения на нас вылетел взволнованный молодой мужчина в строгом синем костюме и офисном галстуке. Он пошатывался, держась за голову и ероша свои тонкие, серые волосы, и панически завывал:

– Боги-и-и! Ужа-а-ас! Катастро-о-офа! Мертв!

В считанные мгновенья молодой человек оказался перед Мароном, но, не замечая ничего вокруг, он даже не остановился перед перегородившим ему путь мужчиной с тростью. Юноша был полностью погружен в случившуюся беду.

– Стой! – негромко, но властно приказал Марон.

Вторя его словам, Алсо и Дипер очень внушительно зарычали, тем самым возвращая воющего мужчину в реальность. Он сразу обнаружил перед собой препятствие в виде всей нашей компании. От испуга юноша попятился назад, но Марон перевел его внимание на себя.

– Что случилось? – спросил мой спутник.

Я тихонько встала поближе к нему. Безопаснее всего было за спиной у этого сурового мужчины. Он хоть был злом, но злом уже известным.

– М-м-мертв, мертв, мертв! Госпо-по-подин Юзвес м-м-мертв... – все повторял и повторял шепотом молодой человек.

Марон уверенным движением достал из внутреннего кармана своего модного пиджака удостоверение и представился:

– Следователь Марон Грун. Давай, парень, иди и показывай, что у вас тут приключилось...

Молодой человек помахал головой из стороны в сторону, словно собака, и на его лице проявилась безысходность, но следователя Марона Груна таким не проймешь. Один из псов

оглушительно гавкнул, поторапливая медленно соображающего человека, чем заслужил легкую похвалу своего хозяина – тот ласково провел ладонью по лобастой голове. Юноша разморозился и поплелся в обратном направлении.

Марон быстро выудил откуда-то из вместительного пиджака небольшой блокнот, быстро начиркал записку и отправил ее вместе с огнем.

Любопытство – жуткий порок, но я не удержалась и подглядела, что же он там такого настроил. Судя по торопливо написанным словам, тайный служащий Короны поставил в известность местный отдел расследований о том что он, Марон Грун, с этой минуты является следователем из их участка. В дополнение он просил в ультимативной форме срочно прислать в типографию группу из служебного участка, чтобы исследовать место убийства. Вот так все просто у Марона: раз – и готово. Какой же большой властью наделен этот человек?

Когда последняя искорка пламени забрала послание, Марон пробормотал, обращаясь ко мне:

– Лууна, у тебя нос растет, как у самой любопытной...

И, не оборачиваясь, Марон направился вверх по лестнице за юношей, при каждом шаге заметно опираясь на трость.

– Если ты думаешь, что мне за это стыдно, то ты ошибаешься, – прошептала я ему в спину, не отставая от него ни на шаг.

– Что ты, я уверен, что это чувство тебе не знакомо... Будь аккуратней! – все-таки предупредил он меня и тихо свистнул своим собакам.

Один из псов после команды своего хозяина теперь шел вплотную к моей юбке в горах. Кажется, у меня появился защитник. Странно, но после открытого беспокойства за мою безопасность от этого подозрительного мужчины в грудной клетке разлилось тепло и захотелось улыбнуться, но как-то обстоятельства не располагали идти, широко улыбаясь. Второй пес таким же способом устроился рядом с Мароном, которому удалось меня удивить.

На втором этаже книжного магазина располагалась приемная владельца типографии – Господина Юзвеса и проход в саму типографию. Старик-продавец правильно сказал, что здесь невозможно потеряться, каждая дверь имела табличку с обозначениями.

Дверь, ведущая в кабинет Господина Юзвеса, сейчас была настежь открыта. Только что там скрылся беспокойный молодой человек, и мы сразу же зашли за ним в кабинет. Я вошла самой последней, и мне открылась чрезвычайно отвратительная, вызывающая ужас картина, к которой я не была готова. Тошнотворный ком подкатил к горлу, и я почувствовала вкус противной горечи во рту. Я была вынуждена закрыть свои глаза, а рот прикрыть рукой, чтобы не испортить ковер в приемной. Мне пришлось глубоко задышать, чтобы успокоиться.

Марон, сообразив, что от открывшегося вида меня в лучшем случае может начать мутить, резко развернул обратно к двери с грозным окриком:

– Не смотри!

Но, несмотря на его слегка запоздалые действия, вряд ли мне удастся когда-нибудь забыть вид мертвого толстого мужчины. Его тело все еще по-королевски восседало на кресле за рабочим столом, голова была запрокинута, рот неестественно раскрыт, а из него вытекала мерзкая желто-зеленая пена. Она дотекала до его выпирающего живота, оставляя за собой мокрые отвратительные пятна на богато украшенной вычурной красной ткани костюмной тройки. Потускневшие глаза мертвеца напоминали рыбы и пугали не меньше, чем вспененные слюни. Напомаженные темные кудри, усы и толстая золотая цепочка от карманных часов выглядели до того нелепо, что создавалось впечатление нереальности, абсурда, чьей-то злой шутки...

Для того чтобы не смотреть в сторону тела, я старательно осматривала обстановку кабинета. Здесь стояли всего лишь один стеллаж с пронумерованными подшитыми папками и два рабочих стола. Одно рабочее место было занято некогда живым Господином Юзвесом, а другое, вероятно, принадлежало испуганному молодому человеку, который, скорей всего, являлся

секретарем или помощником владельца типографии. Все бумаги на столе молодого мужчины были очень аккуратно сложены, все писчие принадлежности располагались на своих местах, что вызывало сомнение в том, что секретарь, либо помощник, работал этим утром.

– Рассказывай! – голос Марона отвлек меня от изучения обстановки. – Для начала тебе следует представиться.

– Меня зовут Ро-ро-рональд Прампер, но все к-к-ко мне обращаются п-п-просто Рони. Я п-п-помощник Госпо-по-подина Юзвеса, его правая рука, с-с-секретарь, все в одном л-л-лице, – нервно заикаясь, проговорил молодой человек.

Я не оглядывалась, чтобы в поле моего зрения не попал труп, но старательно слушала, как Марон медленно обходил кабинет, что-то искал, осматривал. Тем временем одна из собак приняла меня, а другая до сих пор терлась об мою ногу.

– Как ты обнаружил тело, Рони? – задал вопрос Марон.

Помощник Жоржа Юзвеса тяжело вздохнул и стал рассказывать, тщательно стараясь успокоиться и не заикаться:

– Сегодня утром у Г-г-господина Юзвеса была н-н-назначена всего одна встреча, я так понимаю, с В-в-вами. Я попросился прийти сегодня несколько позже обычного – напрямик к-к-к Вашему приходу. Обычно я прихожу строго к в-в-восьми утра, но сегодняшнее ут-т-тро было исключением. Я заранее отпросился у Господина Юзвеса, он был в к-к-курсе моей задержки. Стоило мне з-з-зайти в кабинет, к-к-как я сразу увидел Господина Юзвеса в таком ж-ж-же положении, как и сейчас. Я так испугался, что побежал вниз, а т-т-там уже столкнулся с В-в-вами и Вашими с-с-собаками.

– Как ты вошел в кабинет? Мы были в книжной лавке, ты не проходил мимо... – спросил Марон.

– Н-н-ну я всегда прохожу через т-т-типографское помещение, там уже вовсю кипит работа, в от-т-тличие от книжной лавки, та отк-к-крывается на час позже. В этот раз я п-п-прошел так же, п-п-по привычке, – ответил ему Рональд.

– Для чего тебе понадобилось прийти позже? – продолжал свой допрос службист Короны.

Я слышала, как его трость глухо стучит по ковру приемной, подтверждая перемещение по кабинету.

– Я н-н-не хочу об эт-т-том г-г-говорить, – очень тихо произнес Рони, еще больше нервничая и потому еще больше заикаясь.

– Придется, – небрежно бросил Марон и замолчал, ожидая, пока юноша созреет для ответа.

Много времени это не заняло, ведь помощник был сильно напуган. Я не взялась бы утверждать, что Рональда пугало больше: обстоятельства или сам следователь Марон Грун и его две ручные псыны.

– У меня было свидание, – шепотом сказал Рони.

– Хорошо, – произнес Марон, – пока я не буду спрашивать тебя о подробностях. Ребята из участка снимут твои отпечатки пальцев, возьмут частичку твоей кожи и образец волос. Обследуют все здесь, а также в книжной лавке, осмотрят типографию. После этого ты сможешь отправиться к себе домой. Уходить из дома в течение суток строго запрещено. В течение этих суток кто-то из служащих Короны проведет более подробный допрос, после этого разрешается выходить, и ты сможешь продолжить жить своей обычной жизнью. Если... Речь Марона резко оборвалась, но после непродолжительной паузы он весомо ее дополнил:

– Если не окажется, что ты причастен к умерщвлению своего начальника.

– Ч-ч-что Вы... – запричитал Рони, насколько это было возможно в его исполнении. – Нет-нет. Я бы ник-к-когда. М-м-мне нравится раб-б-ботать с Господ-д-дином Юзвес-с-сом, он х-х-хороший человек. Б-б-был х-х-хорошим...

Я осмелилась оглянуться и посмотреть на беднягу Рональда, но увидела, как Марон похлопал того по плечу и строго произнес:

– Спускайся в книжную лавку, подожди службу Короны. Алсо, проследи!

В конце он дал команду своему королевскому догу, который охотно потрусил за ссутулившимся юношей. Зато мне представилась возможность наконец запомнить отличия между собаками – левое ухо Дипера было полностью черным, в отличие от уха его собрата.

– Привыкла, о наилюбопытнейшая? – не поворачиваясь, спросил Марон.

Все подмечал, наглец. Я действительно уже во всю разглядывала тело без видимого отторжения и пыталась понять, что же все-таки здесь произошло (пока понимать приходилось без божественной помощи).

– Его отравили, – подсказал мне Марон, – и ты была права: если бы мы пришли на десять минут раньше, я бы успел его спасти... По долгу службы у меня с собой есть универсальный антидот. В случае Господина Юзвеса он мог бы помочь.

Марон произнес это без какого-либо сочувствия – только констатация факта. То ли он уже опытным путем знал, что не все возможно, даже если очень хочется, то ли он действительно ничего не чувствовал.

– Чем его отравили? – поинтересовалась я, разглядывая бумаги, лежащие на рабочем столе убитого владельца типографии.

Все сомнения о том, что его не убили, отпали.

Среди бумаг пока попадались лишь договора и счета. Ничего из того, что могло зацепить мое внимание. Я предусмотрительно не прикасалась к документам и пальцем, только осматривала глазами.

– Это сок лактусовой кромовники, если судить по образовавшейся характерной пленке на глазах и вываливающейся из рта желто-зеленой пены... Опасная, хочу заметить, ягода. Достать ее не так-то просто, но возможно, если знать где. Официальное подтверждение моих домыслов никто не отменял, поэтому придется ждать заключения специалистов, – буднично произнес Марон, а в заключении речи посмотрел в мои глаза.

От его зловещего и обещающего расплату убийце вида меня пробрала дрожь. Я инстинктивно обхватила себя руками и нервно переступила с ноги на ногу. Не хотела бы я знакомиться ближе с таким Мароном, с меня вполне достаточно общения с его не самой воспитанной стороной.

Он заметил мои бесконтрольные действия, и они даже повлияли на него. Это было несколько странным и удивительным. Марон поморщился, будто только что съел листик лимонника, и выражение его лица сменилось на более-менее нейтральное и перестало вызывать желание последовать за помощником почившего Господина Юзвеса как можно быстрее. Марон, сделав вид, будто ничего такого и не произошло, продолжил пояснять мне происходящие вокруг обстоятельства:

– Яд из лактусовой кромовники отсроченного действия, соответственно, смертельная добавка попала ему в рот еще утром. Для начала проверим домашних... – заключив это, он снова пристально посмотрел на меня, что-то взвешивая и решая про себя. – Хоть мне и искренне жаль Жоржа Юзвеса, но какое же удачное стечение обстоятельств для расследования.

– Я тебя поняла, – еле слышно ответила я, отметив в уме, что этот человек страшен, невероятно циничен и бездушно холоден.

Мысли о внутренней и пугающей натуре Марона прервали появившиеся служащие в форме законников из Креольского участка правосудия. Двое мужчин были одеты в синюю униформу с красными эполетами и красной же оторочкой по краю мундира и в белые перчатки. В общем-то, таким образом выглядели все службисты в Ивалии, находящиеся при исполнении. Как только местные службисты увидели Марона, они тут же поприветствовали его по-

военному, а брюнет с лихими усами и длинным носом, держащий в одной руке черный кофр, произнес, присвистнув:

– Ба-а-а, да у нас тут покойничек!

Я поморщилась от произнесенной им вульгарной фразы.

Напарником усатого и аккуратного брюнета была полная его противоположность. Это был смазливый зеленоглазый блондин с отросшими волосами, которые небрежно топорщились в разные стороны, придавая мнимую несерьезность его облику. Блондин улыбнулся уголком губ и томно, что было неуместно в сложившихся обстоятельствах, сказал:

– Крег! Ты ведешь себя крайне неприлично в присутствии дамы!

Оба напарника засмеялись, да так беззаботно, что это вызвало у меня неприкрытое неприятие. Но стоило им заметить, с каким осуждением и даже отвращением за ними наблюдает Марон, как их смех резко оборвался. Мужчины в синей униформе вытянулись по струнке и чуть ли повторно не отдали честь, но вовремя остановились. Марон не сказал ни единого слова о неподобающем и даже оскорбляющем поведении, он начал раздавать указания: где, что, как взять для исследования и куда отправить; за кем проследовать; кого допросить и в каком порядке; какие документы оформить, а какие предоставить ему лично в руки; на что обратить особое внимание и так далее и тому подобное.

С каждой добавляемой фразой и блондин, и брюнет все больше бледнели, в конце даже позеленели. В данный момент он не просто их распекал, как провинившихся малышей, совсем нет, он убивал их взглядом особо медленно и очень мучительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.